

[Polaris]

С. БЕЛЬСКИЙ

ЛАБОРАТОРИЯ ВЕЛИКИХ РАЗРУШЕНИЙ

Избранные сочинения

Том I

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CLXXXV

Salamandra P.V.V.

С. БЕЛЬСКИЙ

ЛАБОРАТОРИЯ ВЕЛИКИХ РАЗРУШЕНИЙ

Фантастические повести

**Избранные сочинения
Том I**

Salamandra P.V.V.

Бельский (Савченко) С. Ф.

Лаборатория великих разрушений: Фантастические повести. Илл. П. Бучкина, А. Максимова (Избранные сочинения, т. I). – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 108 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLXXXV).

В первый том избранных сочинений журналиста, путешественника и писателя-фантаста начала XX в. С. Ф. Бельского вошли небольшие научно-фантастические повести «Между небом и землей» и «Лаборатория великих разрушений» – мрачные фантазии о судьбе гениальных открытий.

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

Илл. А. Максимова

I

«ВСЕМИРНЫЙ ЭМИГРАНТ»

Описанные здесь события произошли через несколько месяцев после окончания великой войны. За страшным напряжением физической и духовной энергии, которая потребовалась для того, чтобы довести борьбу до конца, во всех европейских странах наступила неизбежная реакция. Повсюду чувствовалась усталость, утомление и ослабление воли, препятствующее немедленно приступить к восстановлению того, что было разрушено и сметено огнем и железом. Миллионы людей потеряли веру в будущее и ждали какого-то чуда, которое должно было разом вернуть разоренной земле тот цветущий вид, который она имела до войны. Но чудо не приходило. Небо, как и всегда, безучастно сверкало своими бесчисленными огнями над залитыми кровью опустошенными полями, и все рассказы о таинственных и сверхъестественных событиях, которые будто бы происхо-

дили то в одном, то в другом углу разрушенного человеческого муравейника, оказывались в конце концов нелепыми вымыслами, порожденными старыми суевериями или невежеством. Никакие туманы не скрывали более от людей всей глубины той пропасти, которая разверзлась под их ногами.

В это тяжелое время, по странной случайности, был сделан целый ряд блестящих научных открытий, которые обещали произвести полный переворот в жизни народов!.. Могучий толчок, данный технике требованиями беспощадной войны, все еще продолжал действовать, и одновременно с различными орудиями истребления со сказочной быстротой возникла новая техника, удесятерившая производительные силы человека. За этими изобретениями следило во всех странах лишь ничтожное число людей: огромное большинство не придавало им никакого значения, так как утратило веру в благодетельную силу науки.

В глазах массы она превратилась в демона-разрушителя, в жестокую беспощадную силу, способную в короткие мгновения уничтожить без следа труд целых столетий. Только этим равнодушием масс к трудам самых счастливых и гениальных изобретателей можно объяснить то обстоятельство, что широкая публика не обратила почти никакого внимания на новую летательную машину, способную двигаться в безвоздушном пространстве.

Теория этого корабля, осуществлявшего старую мечту о возможности междупланетных сообщений, принадлежала русскому инженеру Складову, но модель аппарата была построена бельгийским механиком Шарлем Лебреном. Закончив свои труды, изобретатели остались без гроша в кармане и с ужасом увидели, что их машина никому не нужна. Куда они ни обращались, им всюду отвечали, что летательный аппарат, который дает возможность передвигаться в мировом пространстве, если допустить правильность всех расчетов и чертежей, представляет самую непрактичную вещь, какая только существовала на свете. Несмотря на всю настойчивость бельгийца и красноречие русского инженера, капитал презрительно отворачивался от междупланет-

ного корабля, и в России, как и во Франции, не находилось ни одного предпринимателя, который согласился бы купить патент и основать завод для постройки мирового воздушного флота.

С практической стороны такое дело действительно казалось чистейшим безумием, так как не обещало никаких барышей и вместе с тем требовало миллионных затрат.

В жаркий день изобретатели сидели на покривившемся балконе своей дачи в окрестностях Петрограда и говорили о необходимости достать денег, чтобы расплатиться с долгами.

В десяти шагах от балкона, рядом с повалившимся забором, стоял деревянный сарай с крышей, заросшей мохом, за широкими дверьми которого скрывалась драгоценная модель чудесного механизма.

Высокие чахлые сосны бросали жидкую тень на песчаные дорожки, усеянные обрывками бумаги, которыми играл ветер.

— Я брошу все это дело! — сказал Скляр. — Не понимаю, что меня еще удерживает в этой мерзкой чухонской деревушке. Месяц тому назад я был твердо уверен, что мне стоит только протянуть руку, чтобы получить миллион, а теперь я с ужасом смотрю на свои дырявые сапоги. Вчера, когда мы сидели у директора банка, я все время старался прятать ноги под столом, чтобы капитал не увидел моей обуви и не потерял последнего доверия к моим блестящим идеям.

Лебрен слабо улыбнулся и ничем не ответил.

— Что же вы молчите! — воскликнул инженер, вставая со стула, который немедленно упал, так как у него не хватало одной ножки. — Я вам совершенно серьезно говорю, что все это мне до крайности надоело, и если ничего не случится в течение трех — ну, скажем, пяти дней, — то я навсегда откажусь от жалкой и унижительной роли нищего изобретателя. В тысячу раз лучше быть поденщиком на каком-нибудь заводе.

У инженера было открытое, ясное и чистое лицо, на котором даже в те минуты, когда Скляр сердился или был

чем-нибудь взволнован, всегда в глазах и в складках губ таилась улыбка. Он любил солнце, яркие цветы, шум леса и моря: все блестящие идеи, касающиеся самых запутанных вопросов математики и механики, рождались у него внезапно, точно радужные краски в алмазе или в каплях росы, но так же внезапно гасли и исчезали. Он ничего не изобретал и не открывал, а играл сложными формулами и часто сам удивлялся полученным неожиданным результатам. Складкову удавалось как будто без всяких усилий открывать двери в таинственную лабораторию природы, но у него никогда не хватало терпения и силы воли, чтобы довести дело до конца и приняться за неизбежную и скучную черновую работу. На службе Складков был неудачником и однажды потерял очень хорошее место, потому что во время приезда министра отправился представляться начальству, забыв надеть галстук и застегнуть половину пуговиц. Такому человеку, чтобы создать что-нибудь значительное или великое, необходим был постоянный спутник, обладавший теми качествами, которых не хватало этому кандидату в гении. И таким человеком для Складкова оказался трудолюбивый и упорный бельгийский механик Лебрен, которого война перебрала из разрушенного Льежа в Петроград.

На изобретение летательной машины, способной двигаться за пределами атмосферы, Складков затратил четыре часа, а Лебрен целый год. Но все-таки идея, луч света принадлежали первому, — механик из Льежа проработал много дней и ночей над чертежным столом и в мастерских, создал тело машины, а душа ее была угадана в одно утро на песчаном берегу моря, недалеко от той самой дачи, где теперь стояла готовая модель.

Лебрен был печальный, тусклый и незаметный человек лет пятидесяти. Половину жизни он провел в угольных коях, где заведовал машинами для выкачивания воды. Лебрен всегда был одет в черное или казался одетым в черное, и до такой степени ненавидел шум и движение, что днем закрывал и плотно завешивал окна, работая при электрическом свете.

— Посмотрите, ведь этот господин идет сюда! Какого черта ему здесь надо? — сказал Скляров, спускаясь с крыльца.

Заскрипела калитка, и в пыльный садик, не торопясь, вошел маленький, плотный человек с красным, гладко выбритым лицом.

Заскрипела калитка, и в пыльный садик, не торопясь, вошел маленький, плотный человек с красным, гладко выбритым лицом. Одет он был в широкое парусиновое пальто, голову его прикрывала круглая, плоская, соломенная шляпа; в левой руке он держал портфель с серебряными застежками, а в правой массивную трость с костяным набалдашником. Но инженер в первое мгновение не обратил внимания на эти подробности и заметил лишь широкую, приятную улыбку незнакомца. В сиянии этой улыбки исчезал

весь человек, почтительно, но не без достоинства протянувший Склярову мягкую пухлую руку.

— Я к вам по важному, очень важному делу! — сказал посетитель таким голосом, словно боялся, что его могут подслушать чахлые кусты запыленной сирени. Мое имя Вильям Ключ. Вот моя карточка.

Человек с красным лицом, по-видимому, не притронулся ни к одному из своих многочисленных карманов, но в руке у него каким-то чудом мгновенно оказался кусок блестящего картона, на котором было напечатано:

Мистер Вильям Ключ
Чикаго и Петроград.
Агент общества «Всемирный эмигрант».

— Это, кажется, дело серьезное, — шепнул Скляров своему товарищу.

Мистер Ключ уселся к столу, торжественно открыл свой портфель, словно оттуда должен был появиться могущественный дух из «Тысячи и одной ночи» или, по крайней мере, все правление «Всемирного эмигранта»; сделал большую паузу, во время которой стих ветер, шумевший в соснах, а воробьи, чирикавшие на балконе, с зорким любопытством наблюдали за движениями мистера Ключа.

— Мы покупаем ваше изобретение, — сказал он наконец так безмятежно, как будто бы дело шло о покупке простой лодки для катанья по взморью.

— Не может быть... — начал Скляров, но его остановил Лебрен.

— Покупаете, если мы сойдемся в условиях, — сказал француз!. — У нас есть уже несколько выгодных предложений, но мы пока выжидаем.

Мистер Ключ красноречивым взглядом окинул убогую обстановку дачи и ответил:

— Пусть так, и все-таки купим мы, а не кто-нибудь другой. Угодно вам выслушать наши условия?

— В этом все дело, — ответил инженер.

Лебрен молча кивнул головой.

— Сначала я должен сделать небольшое вступление, — начал мистер Клюз, поглаживая свой гладкий подбородок. — Полагаю однако, что, если мы не сойдемся, то все сказанное мною останется тайной. Компания «Всемирный эмигрант» давно уже поставила себе целью внимательно следить за возникновением и развитием таких общественных, экономических и политических течений, которые должны раньше или позже заставить тысячи и миллионы переселенцев двигаться то в одну, то в другую сторону. Когда в Австралии были открыты новые обширные площади для пастбы скота, мы немедленно учли это обстоятельство; когда золотая лихорадка погнала на крайний север Америки толпы искателей богатства, мы сейчас же организовали правильное и безопасное сообщение между Нью-Йорком и Аляской. В русских губерниях наши агенты давно с успехом работают над переселением в Аргентину и Бразилию. Притеснения, каким подвергались евреи, дали нам много тысяч эмигрантов в свободные страны. К сожалению, земной шар становится тесным, — то есть тесным для нашего общества. Эмиграция все более и более затрудняется недостатком свободных земель. Нам необходимо расширить деятельность, придать ей грандиозный характер, произвести шум, чтобы подействовать на биржу, переполненную капиталом, но что вы поделаете на небольшом шаре, где слишком много воды, никуда не годного песка и мерзлых болот? Но самое главное, что после этой беспощадной войны на земле появились миллионы людей, которые желали бы, если бы имели возможность, навсегда покинуть нашу разоренную планету. Ваше изобретение, с которым вы не знаете, что делать, — мы будем говорить откровенно, — изобретение это является для нас чрезвычайно кстати...

— Довольно! Я вас понимаю! — с восхищением воскликнул Скляр. — Это смело и гениально! И поверьте, что осуществить нашу мысль будет не труднее, чем парусному судну переплыть Атлантический океан. Мы повезем на своих кораблях к небу, на другие планеты, всех, кому тяжело оставаться на земле! Это великолепно.

— Добавьте, — всех, у кого найдутся деньги, чтобы заплатить за билеты, — добавил мистер Ключ. — Наше общество не благотворительное: оно действует на строго коммерческих основаниях. Хорошо поставленная реклама и опытные агенты, какие имеются у нас повсюду, обеспечат верный исход делу. Я, конечно, имею в виду только финансовую его сторону. Остальное нас не касается. «Всемирный эмигрант» никогда не принимает на себя ответственности за судьбу своих переселенцев. Дело астрономов решить вопрос о возможности колонизации различных планет, дать необходимые для нас указания...

— Какие же ваши условия? — перебил его Лебрен.

— К этому мы сейчас перейдем. Вы должны будете принять на себя заведование постройкой первого междупланетного корабля и совершить на нем первый рейс.

— Я отказываюсь, — сказал француз.

— А я согласен, — решительно ответил Скляр.

— Можно узнать причину вашего отказа? — спросил агент «Всемирного эмигранта».

Лебрен минуту колебался, прежде чем ответить.

— Мне не хотелось бы вас разочаровывать, — сказал он наконец, — но я должен заявить, что наша машина требует еще многих усовершенствований и изменений, чтобы она могла служить для тех фантастических путешествий, о которых вы говорите. Это лишь первый опыт, и я боюсь, что все дело окончится катастрофой или позорной неудачей, если мы попробуем осуществить ваше коммерческое предприятие.

Прежде чем возразить француз, мистер Ключ быстрым и ловким движением достал из портфеля две толстых пачки кредитных билетов и положил их рядом с собой.

— Вы меня не совсем поняли, — сказал он. — Может быть, мы, — я и директора «Всемирного эмигранта» — ни на одну минуту не допускаем мысли о возможности перевозить жителей Земли на другие планеты. Но в такую возможность поверят другие, а это все, что нам нужно. Вы увидите, что первый же рейс, чем бы он ни окончился, оку-

пит все расходы. А шум, который поднимется вокруг этого дела, такая реклама сама по себе стоит огромных денег.

— Но ведь это обман, а может быть, и преступление, — ответил Лебрэн.

— Я вижу, мы не поймем друг друга, — с печальной улыбкой заметил мистер Кюз и протянул руку, чтобы спрятать деньги.

— Подождите! — решительно сказал Сляров, бесцеремонно удерживая агента американской компании за рукав. — Мне нет никакого дела до того, что думают ваши директора, до всех их финансовых соображений или плутней, но я-то сам уверен, что моя машина, с некоторыми изменениями, о которых, я уже думал, способна совершить все то, что вы будете обещать эмигрантам или туристам. Вы, Лебрэн, если хотите, можете оставаться на этой унылой проклятой земле, а я отправлюсь через мировой океан искать другого берега! Вот вам, мистер Кюз, моя рука.

— Прекрасно! От вас я ничего другого и не ожидал. В таком случае общество уплачивает вам немедленно при подписании договора пятьдесят тысяч рублей, сто тысяч вы получите по окончании постройки первого корабля и кроме того, пять процентов со всей суммы, вырученной за перевоз груза и пассажиров.

— Не очень-то щедро.

— Это все, что мы можем вам сейчас предложить. И при том еще условии, если ваш друг Лебрэн возьмет на себя надзор за постройкой верфи и самого судна.

— А где оно будет строиться? — спросил француз.

— Мы выбрали для этого страну наиболее пострадавшую от войны, и притом такую, откуда удобнее всего вести агитацию. Первые эмигранты отправятся из Бельгии.

— Ваша родина, Лебрэн! Соглашайтесь! — воскликнул Сляров.

Мистер Кюз развернул исписанный лист синеватой бумаги и предупредительно протянул механику свое вечное золотое перо. Бельгиец два раза перечитал условие и подписал его неровным мелким почерком. Сляров, не читая бумаги, написал свою фамилию, подчеркнув ее широким

движением, размазал рукавом половину букв и, подняв перо, воскликнул:

— Мистер Кюз, вы сами не понимаете того, что сейчас сделали! Пройдет несколько лет, и никто не захочет оставаться на Земле. Само небо с его синевой и звездами служит лучшей рекламой для вас! Мы уйдем с Земли без сожаления и только там, — Склярлов указал пером на вспененное легкими облаками небо, — там начнем настоящую жизнь, о которой все напрасно мечтают!..

— Не размахивайте так пером, — с добродушной улыбкой сказал мистер Кюз, — вы забрызгаете чернилами мои бумаги!

II

ДАЛЬШЕ ОТ ЗЕМЛИ!..

Бельгийское местечко Рансом расположено в центре обширной котловины, засыпанной угольной пылью. При малейшем ветре эта черная пыль поднимается, как песок пустыни, и образует над всей местностью мрачную завесу, через которую с трудом проникают красные лучи солнца. Даже в тихую погоду каждая телега или автомобиль двигаются по шоссе, окруженные черными облаками; иногда такие облака поднимаются без всякой видимой причины и, принимая странные фантастические очертания, отправляются странствовать по равнине, кружатся над окрестными полями и так же внезапно исчезают, как появились. Эти привидения Рансома, как называют их местные жители, давно погубили растительность, и во всей котловине можно насчитать не больше десятка деревьев, печально раскидывающих свои обугленные голые ветви над горами камней и шлаков. Деревня, населенная рудокопами, имела до войны только одну улицу, обставленную тяжелыми низкими домами, сложенными из серого песчаника. На одном конце этой печальной улицы находилась церковь, всегда

пустая, с узкими цветными окнами и двумя рядами статуй, которым привидения Рансома придали такой вид, как будто они были сделаны из цельных глыб блестящего каменного угля; на другом конце стоял трактир дяди Фюжоля, всегда наполненный посетителями, которые сидели на грязных скамьях за грязными столами, без конца пили, шумели, спорили, играли в карты и кости.

Молодой аббат Гилуа употреблял все усилия, чтобы исправить своих заблудших овец и обратить их на путь истины. Он произносил пламенные проповеди, которые слушали церковный сторож да две-три старухи, проклинал, грозил, упрасивал, но все его слова казались скучными и никому не нужными. Они никого не трогали и не волновали, как будто бы между молодым аббатом и его паствой находилась стена, в которой время замуровало все отверстия. Главной темой разговоров в Рансоне, кроме политики и вечной борьбы с капиталом, было истощение соседних каменноугольных копей. Вся земля под окрестными голыми холмами была изрыта на огромную глубину бесчисленными галереями и шахтами и походила на кусок дерева, источенный червями. Аббат Гилуа любил повторять, что когда-нибудь почва разверзнется под ногами нечестивых жителей Рансома, и все они очутятся на дне озера. Это мрачное предсказание было единственной частью его проповедей, которая, по мнению рудокопов, заслуживала обсуждения в зале у дяди Фюжоля.

Подземный лабиринт занимал в общей сложности, со всеми своими никому не известными разветвлениями, до шестидесяти километров. Но по крайней мере три четверти этого пространства уже много лет не давали ни одного куска угля. Редкие смельчаки, проникавшие в заброшенные, наполовину залитые водой галереи, рассказывали всякие небылицы об этом царстве мрака: там будто бы все еще шла таинственная работа, где-то звонил колокол, вспыхивали и блуждали синеватые огни, и странно, что рудокопы, давно утратившие веру в чудеса на земле, охотно верили всем таким рассказам. Небо, о котором беспрестанно говорил аббат Гилуа, казалось им пустым и холодным, но в

глубине земли все еще жили духи, упорно сопротивлявшиеся войне, которую вели против них школы, газеты, машины, вся техника и весь общественный прогресс. Во время немецкого нашествия безграничный лабиринт Рансома сыграл спасительную роль для нескольких сотен несчастных мужчин и женщин, обвиненных в различных преступлениях. Половина домов в местечке была разрушена; от церкви уцелели только две стены, между которыми на гряде мусора долго лежало окровавленное тело аббата Гилуа, убитого осколком снаряда. Население почти все исчезло, и только черные призраки Рансома по-прежнему плясали на пустынной равнине, над горами камней, под которыми лежали трупы людей, расстрелянных германскими солдатами. Уходя, немцы подожгли огромные запасы угля, сложенные в виде пирамид. Огонь распространился в подземные галереи, и спустя несколько месяцев после того, как враг очистил страну, из глубоких шахт все еще валили клубы густого едкого дыма, который ветер разносил до Монса, Курселя и французской границы. Когда пожар наконец прекратился, круглая долина напоминала кратер потухшего вулкана или остывший горн гигантской кузницы. Невозможно было поверить, чтобы жизнь когда-нибудь вновь воскресла среди этих обожженных камней. Но не прошло и года, как в долине закипела лихорадочная работа, и тысячи людей по всем дорогам, из Курселя, Шарлеруа и Намюра, ежедневно направлялись к новому Рансому.

На окраине котловины, вдоль железной дороги из Кельна в Париж, возвышались на столбах огромные радужные щиты, на которых гигантские надписи кричали путешественникам:

«Покидайте Землю, спешите в Рансом!». «“Всемирный эмигрант” предлагает покинуть нашу планету!». «В начале мая корабль “Левиафан” отправляется на Юпитер! Двадцать четыре дня в пути! Общие и отдельные каюты».

На всех вокзалах агенты компании рассовывали миллионы брошюр и карточек с описаниями междупланетных судов и мнениями известных и никому неизвестных ученых, астрономов и физиков, о расселении людей в мировом про-

странстве. Плакаты «Всемирного эмигранта» пестрели на стенах домов во всех столицах мира, а ночью над Парижем, Лондоном и Берлином горели в облаках огненные буквы: «Дальше от Земли». «Покупайте акции “Всемирного эмигранта”». И скоро, благодаря телеграфу и газетам, на всем земном шаре не оставалось ни одной деревушки, где бы не слышали о Рансоне и фантастической затее американских миллиардеров. Вслед за «Левиафаном» общество обещало построить несколько десятков других еще более крупных, судов, которые дали бы возможность увозить с Земли каждый месяц полмиллиона эмигрантов.

В одно майское утро курьерский поезд привез в Шарлеруа толпу пассажиров, направлявшихся в Рансом. Из вагона 1-го класса, опираясь на руку молодой девушки, вышел господин лет пятидесяти и в нерешимости остановился около одного из гигантских узорчатых столбов, поддерживающих стеклянную крышу вокзала.

— Пойдемте, дядя, — нетерпеливо сказала девушка, — надо поспешить занять место в автомобиле.

Старик посмотрел на нее усталым взглядом и, поставив на истертые плиты маленький желтый чемодан, ответил, медленно выговаривая слова:

— Не знаю, право, стоит ли нам ехать в этот... куда мы едем, Ида?

— Боже мой, в Рансом, конечно! — с раздражением воскликнула девушка, видя, что на них обращают внимание, а носильщик в синей блузе едва скрывает улыбку.

— Да, мы ехали в Рансом, — тоном глубокого убеждения сказал старик. — Это так! Но теперь я раздумал...

— Раздумали, когда мы уже почти приехали! — воскликнула девушка по-русски, чтобы ее не поняли окружающие. — Что же вы хотите делать?

— Поедем в Париж, я был там лет двадцать назад. Тогда еще была жива твоя мать...

— Мы в Париж не поедем, — перебила его племянница, — я лучше вернусь в Россию.

— В Россию?... Прекрасно. Бог с ним, с этим Ларсоном или Карсоном. — И старик с живостью повернулся к вагону.

— Мосье, этот поезд идет в Антверпен!.. -- предупредительно сказал кондуктор.

— Дядя, на нас все смотрят, — умоляющим голосом прошептала девушка.

В этот момент какой-то молодой человек, наблюдавший издали за этой сценой, подошел к старику и, бросив на его спутницу короткий выразительный взгляд, которым как бы хотел сказать: «Не беспокойтесь. Я все устрою», — обратился к нему со словами:

— Вам следует поспешить! Дайте ваши вещи, я донесу их до автомобиля.

Старик на этот раз не возражал и покорно пошел вслед за молодым путешественником, который, энергично работая локтями, расчищал в толпе дорогу для своих спутников. Девушка в дверях успела поблагодарить его коротким взглядом. На ее смуглом, миловидном лице вспыхнул яркий румянец, пышные черные волосы выбились из-под скромной соломенной шляпы, украшенной букетиками свежих полевых цветов. Особенную прелесть придавали ей глаза, в которых было что-то искрящееся и светлое, радостный испуг пробуждающейся весны. Ее дядя шел неровной колеблющейся походкой больного или смертельно уставшего человека. Он не замечал ни окружавшей их толпы пассажиров, ни огромных коридоров вокзала, который до войны считался одним из самых больших в Европе, ни агентов «Всемирного эмигранта», которые, выстроившись в два ряда, торопливо рассовывали пестрые листки, усеивавшие весь пол.

Молодой человек усадил их в первый попавшийся четырехместный автомобиль и хотел смешаться с толпой. Девушка окинула взглядом его высокую фигуру, смелое, открытое лицо и почувствовала, что должна чем-нибудь его отблагодарить.

— Вы разве не едете в Рансом? — спросила она.

— Еду, то есть, вернее, пойду пешком.

— Но у нас в автомобиле есть еще два места. Я думаю, дядя ничего не будет иметь против того, чтобы вы заняли одно из них.

— Вам следует поспешить! Дайте ваши вещи, я донесу их до автомобиля.

Старик сделал рукой неопределенный жест, означавший не то согласие, не то отказ.

Неожиданно появился еще четвертый пассажир. Это был плечистый крепкий немец с загоревшим обветренным лицом и золотистой коротко подстриженной бородой. В ту минуту, когда он, держа в руках черный кожаный чемодан с ярко вычищенными медными застежками, остановился на лестнице, окидывая взглядом длинный ряд автомобилей, кто-то в толпе воскликнул:

— Смотрите, это фон Бейлер! Тот самый негодяй, который потопил «Гарматанию»!

Мгновенно все смолкли, и сотни глаз обратились к тому месту, где стоял бывший капитан подводной лодки. Он поднял руку, как будто хотел закрыть лицо или защититься от невидимых ударов, и потом поспешно бросился к ближайшему автомобилю, к котором сидели русские путешественники. Девушка быстрым испуганным движением хлопнула перед ним дверцу.

— Вы не имеете права меня не пускать! Тут четыре места, и по правилам компании я могу занять свободное, — сказал фон Бейлер, стараясь втиснуть свой чемодан под ноги шоферу.

Толпа вдруг разом заволновалась.

— Негодяй! Убийца! Смотрите, вот убийца пятисот женщин и детей! — кричали со всех сторон.

— Будь ты проклят! — сказала какая-то старуха, одетая в отрепья и, поднимая мальчика лет семи, крикнула: — Посмотри на него хорошенько, это Каин!

Фон Бейлер, видимо, привык действовать быстро и решительно. Он схватил свой чемодан, ловко увернулся от удара зонтиком, который хотела нанести ему какая-то дама, сидевшая в коляске, и, проскользнув между экипажами, бегом направился навстречу свободному автомобилю, который показался на другом конце площади.

Кто-то бросил вслед ему камень, который ударил капитана по ноге; он на мгновение остановился и что-то крикнул, но слов его никто не расслышал, так как все автомо-

били разом двинулись со своих мест и, подняв тучи пыли, направились по широкому шоссе в Рансом.

Общая ненависть к капитану фон Бейлеру, имени которого многие никогда раньше не слышали, разом сблизила незнакомых друг с другом людей. Точно появился призрак несчастной «Гарматании», погибшей от взрыва мины в Ирландском море. и все спешили рассказать какие-нибудь подробности, действительные или вымышленные, об этом судне.

Прежде чем автомобиль миновал сожженное разрушенное предместье Шарлеруа, девушка знала, что ее спутник, еврей Абрам Менгер, давно уже мечтал о возможности той эмиграции, которую пробовала теперь осуществить в Рансоне компания американских миллиардеров.

— В этом нет ничего фантастического, — с воодушевлением говорил Менгер. — Все научные открытия представляют только осуществленную мечту, и нет мечты ярче и сильнее, чем постоянное стремление от земли к небу. Может быть, там находится та страна обетованная, которую тысячу лет ищет мой несчастный народ, — добавил он, смотря на девушку печальными темными глазами.

— Я не верю в сказки Рансома, — решительно ответила Ида, бросив взгляд на дядю, который дремал в углу автомобиля. — Может быть, потому, что я слишком земная, — добавила она, смеясь, и поймала концы шелкового шарфа, взвевшие над ее головой теплым ветром.

— Зачем же вы приехали сюда?

— Мы все ездим с того времени, как у дяди убили на войне двух сыновей и немцы сожгли его имение. Вы, пожалуйста, не убеждайте его отправиться в это ужасное путешествие, — прибавила она шепотом. — Он так легко поддается чужой воле!

— А мне хотелось, чтобы вы были на «Левиафане»! — ответил Менгер.

— Почему? — спросила девушка. — Там ведь холодно и пусто, в этой бездонной выси. — Она указала на темно-синее небо. — Лучше оставайтесь на Земле!

Вдали показались строения Рансома. Акционерная компания не пожалела денег. Огромная гостиница стояла на том самом месте, где находился когда-то трактир Фюжоля. По сторонам ее тянулись постройки из бетона, железа и стекла, предназначенные для чтения лекций и различных собраний. Над всеми этими зданиями господствовала, как гора над холмами, гигантская верфь, предназначенная для постройки мирового воздушного флота. В центре ее, там, где стояла когда-то церковь, ясно и отчетливо вырисовывался на синеве неба серый стальной корпус первого межпланетного корабля. Он походил на гигантского ящера, всползшего на хаотическое нагромождение ажурного железа, камня и бревен. Гостиница была переполнена, и новые путешественники с трудом отыскивали себе места. Некоторым пришлось, впрочем, искать приюта в зале собраний. Среди последних находился и Менгер. Он расстался со своими спутниками в круглом вестибюле, стеклянный купол которого поддерживался двумя рядами колонн. Старый помещик на минуту оживился.

— Заходите к нам, — сказал он Менгеру. — Моя фамилия Кравчинский. В Рансоме я останусь столько времени, сколько пожелает Ида. Мне еще ни разу не удавалось ее в чем-нибудь переубедить.

Шумная волна эмигрантов, влившаяся через один из огромных входов, разъединила новых знакомых, и они разом потеряли друг друга в живом водовороте, в котором смешались люди всех национальностей.

Две небольшие комнаты, отведенные Кравчинскому и его племяннице, находились в пятом этаже. Рядом с комнатой Иды, по странной случайности, поместился капитан фон Бейлер. Он никуда не показывался из своего номера и до вечера расхаживал из угла в угол, то ускоряя, то замедляя шаги и время от времени повторяя какие-то фразы, похожие на приказания. Может быть, он представлял себе, что находится в тесной каюте своей подводной лодки U 26, следя в перископ за движениями черного корпуса «Гарматании» или наблюдая за мерным колыханием зеленой бездны, в которой бесследно исчезают люди и обломки ко-

рабля. Соседом бывшего помещика оказался миллиардер Вильям Стоктон. Он занимал четыре больших комнаты и все время что-то заказывал, на кого-то кричал, бранил по телефону управляющего и отдавал столько различных приказаний, что казалось, будто за стеной живет целый десяток Стоктонов, и все они желают перевернуть вверх дном гостиницу и весь Рансом. Из комнаты Иды стеклянная дверь вела на маленький балкон в три шага длиной, который, казалось, каким-то чудом держался на страшной высоте и каждую минуту готов был сорваться и полететь в пропасть. Отворив дверь, девушка остановилась на пороге и увидела далеко внизу опустошенную войной равнину, над ней веретенообразный корпус воздушного корабля и тысячи рабочих, похожих на муравьев, беспорядочно сновавших по блестящей поверхности «Левиафана», по бесчисленным нитям и перекладинам, на которых держалась эта серая громада.

— Не правда ли, прекрасный вид! — неожиданно услышала Ида чей-то грубый, хриплый голос. — Но не советую вам подходить близко к решетке, — может закружиться голова, и вы очутитесь на площади скорее, чем бы пожелали!

Девушка с испугом повернула голову и увидела в нескольких шагах от себя самодовольную фигуру мистера Стоктона. Он сидел в кресле на своем широком балконе, за столом, на котором стояли серебряная ваза с фруктами и бутылки. Миллиардер был маленький, коренастый, толстый человечек с добродушным лицом, которому он напрасно старался придать выражение важности и даже торжественности.

— Вы, должно быть, эмигрантка? — спросил американец с той развязной самоуверенностью, которая свидетельствовала, что Стоктон, подобно коронованным, особам, лишь снисходит с высоты своего величия до разговора с неизвестной ему девушкой. Впрочем, со стороны Стоктона это было простительно, так как у него в бумажнике лежали собственноручные письма двух настоящих королей с выражением благодарности за оказанную им золотую помощь.

— Да, хорошее мы дельце затеяли! — усмехнувшись, продолжал миллиардер, которого виски, весеннее утро и красивое личико девушки, стоявшей на узком карнизе, располагали к откровенности. — Я сам вложил сюда десять миллионов долларов, но акции «Всемирного эмигранта» поднялись уже на сто процентов и все еще идут в гору; а что будет после первого рейса? Вы увидите, что сюда потечет золото со всего мира!

— А вы уверены, что этот рейс будет сделан? — спросила сильно заинтересованная Ида.

— Еще бы не уверен, я теперь не принимаю участия в сомнительных делах. Лучшие инженеры всего света признали, что «Левиафан» может совершить то путешествие, о котором мы кричим по всему миру. У нас уже осталось очень мало свободных мест. Билеты продаются на второй и даже на третий рейс. Впрочем, лучшим доказательством моей уверенности в чистоте этого дела является то, что я сам отправляюсь на «Левиафане». У вас есть уже билет?

— Нет!

— Спешите купить! Скажите мне одно слово, и я сейчас же прикажу оставить вам лучшую каюту.

— Благодарю вас, но я предпочитаю подождать.

— И посмотреть, не сломаем ли мы себе шею? — захотал Стоктон. — На этот счет будьте покойны: против катастрофы приняты все меры, хотя мы отлично знаем, что в Рансом съехалось немало любопытных для того только, чтобы увидеть небывалое еще крушение.

После завтрака по всем коридорам огромного здания зазвенели звонки, и десятки голосов выкрикивали о начале лекции или проповеди знаменитого агитатора «Всемирного эмигранта» Джека Витстона на тему: «Последнее проклятие Земле».

Мгновенно все лестницы и лифты оказались запруженными потоком любопытных, которые стремились попасть в залу собраний. Ида и ее дядя опоздали к началу лекции, и когда добрались до залы, она была переполнена. Лектор, высокий бледный господин с нервным лицом, находился уже на кафедре. Каждое его слово отчетливо отдавалось во

всех самых отдаленных углах огромного здания, а на экране, занимавшем всю стену сзади кафедры, каждое слово его речи появлялось написанное огненными буквами. Джек Витстон был блестящим импровизатором и великолепным актером. Он не убеждал и не доказывал, а показывал своим слушателям то, что сам видел и чувствовал. В его изображении Земля, действительно, казалась каким-то адом. Произвол, тирания, деспотизм, торжество грубой силы, беспощадное истребление миллионов людей и целых наций, — все это он облачал в яркие картины, которые способны были привести в ужас и породить отчаяние у каждого, кто хоть на минуту поддавался его гипнотическому влиянию. Витстон в своем увлечении не щадил ничего и никого: от него одинаково доставалось и капиталистам, и королям, и церкви, и парламентам, и законам.

Невозможно привести ни одной цитаты из его речи, и поневоле приходится оставить на ее месте пробел, который читатель может заполнить по своим соображениям и догадкам. Сила Витстона была в его искренней и чудовищной ненависти ко всему темному и ужасному, что осталось в прошлом, я в его недоверии в будущее. Слушатели были поражены и подавлены этим потоком образов и картин. В зале стояла жуткая тишина, и красные огненные буквы сзади оратора вспыхивали на экране, как слова на стене здания Валтасара, но теперь они относились ко всей Земле, ко всему человечеству.

— Здесь не осталось никакой надежды! — закончил оратор. — Уйдем отсюда! Начнем новую, справедливую, великую и свободную жизнь, достойную человека.

Он давно кончил, но все продолжали сидеть на своих местах, в зале была мертвая тишина, и потом вдруг разом поднялся невообразимый шум, точно ворвалась буря и закружила и смешала тысячи слушателей! Очарование исчезло, и большинству казалось, что оратор на их глазах разбил и осквернил что-то прекрасное и дорогое, во что они верили всю жизнь. Другие во всем были согласны с Витстоном, и когда на экране появилось изображение «Левиафана», парящего в мировом пространстве, сотни голосов

Слушатели были подавлены этим потоком образов и картин.

приветствовали его радостными, долго не смолкавшими криками.

— Что, каков оратор? — услышала Ида около себя голос Стоктона. Он шел с главным инженером Лебренем, но, заметив девушку, на минуту оставил своего спутника. — Мы ему все позволяем! Золотой человек для общества и стоит нам пустяки.

— Ида, возьми два места на «Левиафане»! — сказал Кравчинский, когда он и его племянница вышли из залы.

— Но, дядя...

— Купи места, чего бы они ни стоили! — торжественно повторил Кравчинский. — Я здесь не желаю оставаться. Мои детн умерли, и мы уйдем отсюда.

— Они убиты, — со слезами в голосе возразила Ида. — Как вы не поймете, что здесь говорят о жизни, а не о смерти.

— Делай то, что я тебе приказываю!

Девушка по опыту знала, что спорить бесполезно. Она проводила дядю до гостиницы и, не имея сил оставаться в своей комнате, за стеной которой слышались шаги фон Бейлера, отправилась бродить по Рансому. Был душный вечер. Наступал тот час тишины и покоя, когда алмазный день тонет в глубине ночи и бледные звезды кажутся родными и близкими огнями. Смотря на черную землю, засыпанную угольной пылью, Ида невольно вспомнила свою далекую степь, покрытую теперь мягкой травой: над прудом дремлют высокие тополя, и над пустынным широким шляхом горят одинокие звезды.

«Витстон во многом прав, — подумала она, — но еще есть надежда! Есть!...»

Неожиданно на повороте тропинки девушка увидела небольшую толпу рудокопов. Они стояли среди груды развалин и о чем-то совещались. Один из них, старик в мягкой измятой шляпе, стоя на коленях, зажигал фонарь, а двое других наклонились над отверстием какого-то колодца. Завидев девушку, они прекратили разговор и проводили ее долгими недружелюбными взглядами. Дальше тропинка выходила на открытую равнину, на которой где-то

мерцали красноватые и зеленые огни. Несмотря на то, что солнце давно зашло, почва не остывала, и через тонкую кожу башмаков девушка чувствовала такой жар, как будто бы шла по раскаленным камням. Тишина ночи нарушалась звоном и стуком молотков со стороны верфи, мощным

Завидев девушку, они прекратили разговор и проводили ее долгими недружелюбными взглядами.

дыханием какой-то машины и редкими ударами, похожими на взрывы, следовавшие друг за другом с равными промежутками. Повернувшись, чтобы идти обратно, Ида увидела на черном фоне неба огромное здание, построенное из ослепительного света, и не сразу догадалась, что этот сказочный дворец — та самая гостиница из стекла и железа, в которой она жила. Из огромных окон вырывались

снопы электрического света, а над верхним ярусом огней поднималась круглая арка, с которой трепетное живое пламя всех цветов радуги бросало в бездну ночи три слова, повторяя их бесчисленное число раз:

«Дальше от Земли!» «Дальше от Земли!»

Поднявшись в пятый этаж, девушка с облегчением вздохнула, когда убедилась, что шаги фон Бейлера замолкли, и изъ его комнаты не доносится ни одного звука. Старик Кравчинский отказался от ужина и сел писать письма. Ида потушила в своей комнате электричество и распахнула дверь на балкон. На ее счастье, Стоктон еще не возвращался, но, взглянув налево, она увидела на таком же узком балконе, как и тот, на котором стояла, фигуру немецкого капитана. Освещенный светом, падавшим из окон, фон Бейлер стоял на самом краю черной бездны и, наклонив голову, внимательно смотрел на пустынную площадь, от которой его отделяло двадцать с лишним сажен.

Заметив девушку, капитан выпрямился и неожиданно спросил:

— Почему вы не пустили меня сегодня в свой автомобиль?

Ида не знала, что ответить на этот вопрос, и сделала движение, чтобы уйти в комнату.

— Подождите немного, — сказал фон Бейлер таким тоном, как будто был углублен в разрешение какой-то задачи. — Ночь протянется еще очень долго, — добавил он многозначительно. — Для многих она никогда не кончится.

У девушки шевельнулось чувство сожаления к этому человеку.

— Я знаю, что здесь, в этом маленьком Рансоне, как и во всех углах земного шара, меня считают величайшим преступником, и даже хуже, чем преступником! Иуда, Каин, еще несколько имен и между ними имя человека, потопившего «Гарматанию». Вот мое место! Не правда ли? Но ведь весь свет знает, что я исполнял свой долг.

— Я не желаю говорить с вами об этом, — холодно возразила девушка. — Мне пора идти.

— Еще одну минуту! — Фон Бейлер остановил ее властным тоном голоса. — Пусть я виновен, но скажите, считаете ли вы меня трусом?

— Нет! — без колебания ответила Ида.

— А между тем, я трус! Убивает меня не позор и не сознание своей вины, — есть люди, и много их, которые искренне считают капитана фон Бейлера героем, — а страх, от которого я не могу освободиться никакими усилиями воли. Я никогда ничего не боялся, а теперь боюсь!

— Чего? — невольно спросила девушка.

— С этим нельзя жить, — ответил фон Бейлер на какую-то свою мысль, а потом добавил, повышая голос: — Я вам скажу, что меня угнетает. Произошло это через несколько минут после гибели «Гарматании». Я выпустил в нее не две мины, как писали в газетах, а три, и судно пошло ко дну через десять минут после первого взрыва. Я находился тогда в боевой рубке и через стекла иллюминатора смотрел в воду на два или на три фута ниже поверхности моря. Мимо меня проплывали какие-то обломки, за которые судорожно хватались пассажиры и матросы «Гарматании»; изуродованные взрывом трупы быстро исчезали в зеленой глубине: некоторые из них кружились и вращались вокруг моей лодки. Вдруг я увидел так близко от себя, что мог бы достать ее рукой, молодую женщину с ребенком, которого она прижимала к груди. На ней было белое длинное платье и, опускаясь, она точно сходила в темную глубину. Женщина эта была еще жива, и ее вытянутая белая рука искала какой-нибудь опоры на поверхности зеленой бездны. Через несколько секунд я увидел ее широко раскрытые глаза, в которых был ужас, жизнь и смерть. Я хотел отвернуться и не мог. Она смотрела на меня через стекла иллюминатора, опускаясь все глубже и глубже, пока наконец не превратилась в смутное белое пятно, но и тогда я все еще видел ее глаза. И я вижу их теперь каждый день, каждый час. Эта женщина и ее ребенок давно лежат там, на дне Ирландского моря. Скользящая холодная тина покрыла их трупы, но ее страшные глаза следят за мной, где бы я ни был! Я приехал в Рансом, поверив шумной рекламе «Все-

— ...Вдруг я увидел так близко от себя, что мог бы достать ее рукой, молодую женщину с ребенком, которого она прижимала к груди.

мирного эмигранта», но теперь вижу, что мне здесь нечего делать. Я уйду от Земли скорее и проще!

— Вы больны, — сказала Ида, дрожащей рукой поворачивая ручку двери, — ваши нервы не выдержали того, что вы сделали и видели.

— Прощайте! — ответил капитан, и потом Ида как во сне увидела, что фон Бейлер одним движением очутился по другую сторону решетки, повис на одно мгновение на вытянутых, мускулистых руках над ярко освещенной глубиной, и с мучительным восклицанием, в котором чувствовалось напряжение всех сил, разжал пальцы и полетел в пропасть.

Все закружилось перед глазами Иды; инстинктивно ища опоры, она сделала два шага назад и опустилась на мягкий ковер у порога своей комнаты.

Когда к Иде вернулось сознание, в комнате фон Бейлера происходило какое-то движение, слышались растерянные голоса и громче всех голос Стоктона, который кричал:

— Черт бы побрал этого негодного капитана! Его смерть может обойтись нам очень дорого! Такие случаи, подхваченные газетами, подрывают доверие к делу. Акции «Эмигранта» и без того начали сильно колебаться. В наше время даже самоубийцы не должны забывать о существовании биржи.

Закончив этим афоризмом, рассерженный миллиардер так бешено хлопнул дверью, как будто навсегда хотел закрыть доступ в комнату, где лежал изуродованный труп фон Бейлера.

III

ДВА МИРА

Компании «Всемирного эмигранта» приходилось три раза под разными предлогами откладывать отправление

«Левиафана». В газетах разных стран начали появляться статьи о том, что прославленное изобретение гениального русского инженера и его бельгийского сотрудника существует только на бумаге, далеко не доведено до конца, и что поэтому все предприятие американских миллиардеров представляет одну из тех опасных капиталистических авантур, которые в то время потрясали весь экономический строй Европы. Правительства и парламенты с возрастающим неудовольствием следили за агитацией компании, которая привлекала пока в Рансом сравнительно ничтожное число эмигрантов, но зато была вредна в том отношении, что ослабляла энергию и трудоспособность рабочей массы. Миллионы людей охотно и быстро усваивали аргументы таких проповедников, как Витстон, и хотя и не думали о возможности покинуть землю и ничего не ждали от неба, но зато и на земле видели лишь безысходные страдания, нищету, взаимную вражду, обман, лицемерие и предательство.

Железный «Левиафан», который ни за что не хотел двинуться со стапелей, чтобы направиться к иным мирам. сделался эмблемой бессилия человечества и его безграничных стремлений. Уродливые изображения этого стального чудовища, ползающего по земле со сломанными крыльями, служили постоянной темой для карикатур. Директора компании щедро сыпали золото, чтобы поддержать падающие акции. Некоторое время им это удавалось, главным образом благодаря влиянию и энергии Стоктона, но затем обнаружились явные признаки приближения неминуемого краха. Тогда все внимание и все надежды главных акционеров сосредоточились на Скларове. Его засыпали приказами, требованиями, обещаниями огромных наград и премий, грозили и упрашивали: инженер целые ночи проводил за письменным столом. Он пытался заменить вдохновение механической работой над формулами, но каждый раз натывался на непреодолимые трудности. Он сам, как и Лебрен, отлично понимал, что для того, чтобы закончить «Левиафан», ему необходим еще один такой час, какой был год назад в ясное утро на берегу моря. Но час этот не приходил. Вдохновения не было, и мертвое чудо-

вище из железа и стали беспомощно повисло между небом и землей.

Но чем хуже шли дела компании, тем шумнее и веселее текла жизнь в Рансоне. Главную часть его нового населения составляли не эмигранты, а скучающие туристы, многие из которых успели побывать на всех полях недавних сражений и, не найдя там ничего интересного, толпами стекались посмотреть на отправление первого междупланетного корабля. Компания изменила свой первоначальный план, по которому Рансом должен был оставаться в том самом виде, какой придала ему война. Развалины были декорированы растениями, дороги усыпаны белым песком, и мало-помалу все местечко приобрело шаблонный вид модного курорта. Впечатление портил только неуклюжий остов Левиафана, шум машин и непрерывные стуки паровых молотов. Несравненно неприятнее была та жара удушливых дней, которая все время стояла в Рансоне. Компания тщетно скрывала от всех истинное происхождение этого тропического климата, и даже не все инженеры знали, что в старых заброшенных коях продолжают гореть пласты каменного угля. Когда тревожные слухи об этом подземном пожаре распространились среди рабочих и туристов, директора «Всемирного эмигранта» поступили очень просто и умно, объявив, что будут устраивать прогулки для осмотра знаменитых копей старого Рансома. Для этой цели были выбраны, конечно, такие шахты, куда никогда не проникал огонь. Галереи осветили электричеством, украсили флагами и тропическими растениями, скрыли два оркестра в глубине черного лабиринта и устроили превосходный ресторан на берегу подземного озера. Об этом событии рекламы «Эмигранта» возвещали с обычными преувеличениями, в трескучих высокопарных фразах: «Прогулки в царстве вечного мрака! Обеды в недрах земли! Концерты в царстве Плутона!»

— Вы спуститесь в это царство мрака? — спросил, улыбаясь, Менгер, встретив как-то на площади около «Левиафана» свою недавнюю спутницу из Шарлеруа.

— Мне не с кем идти, — ответила девушка. — Дядя все время сидит за своими бумагами и оживляется только во время лекций Витстона. А я бы очень хотела взглянуть на работу бельгийских рудокопов.

— Пойдемте вдвоем, — предложил Менгер.

— Лучше поедем, я просто изнемогаю от этого невыносимого зноя.

Кучер, одетый в красный камзол, взмахнул длинным бичом, и через несколько минут быстрой езды они остановились перед высоким белым павильоном, вокруг которого стояла густая толпа, ожидавшая очереди, чтобы попасть в один из лифтов и спуститься на глубину в 300 метров. Спуск продолжался шесть минут. Когда Ида и ее спутник очутились на дне шахты, они были глубоко разочарованы. Вместо мрачных сводов таинственного лабиринта они увидели перед собой длинную залу, стены и потолок которой были красиво задрапированы желтой материей, сотни электрических ламп освещали длинные ряды столиков, украшенных букетами живых цветов.

— Боже мой. какая бедная фантазия у хозяев Рансома! — воскликнула Ида. — Они ничего лучшего не придумали, как целиком перенести сюда один из ресторанов. Пойдемте куда-нибудь дальше. Мне хочется увидеть неприкрашенное подземное царство.

Углубившись в извилистую галерею, они скоро очутились на границе освещенного пространства, перед низкой аркой с надписью: «Во избежание несчастных случаев, просят не ходить дальше без проводника».

— Теперь начнется самое интересное, — сказала Ида.

— А вы не боитесь?

Вместо ответа девушка решительно пошла вперед. На встречу ей откуда-то из невидимого углубления вышел высокий малый, одетый в новенький костюм бельгийского рудокопа и, держа в руках шляпу, предложил свои услуги, чтобы показать кони.

— Мы знаем дорогу не хуже вас! — ответил Менгер и был очень доволен, увидев по глазам Иды и по ее улыбке, что она вполне одобряет этот легкомысленный ответ.

Проводник пожал плечами.

— Уверяю вас, что вы заблудитесь с первых шагов! Там 240 галерей!

Но молодые люди уже не слушали его: взявшись за руки, они, как дети, со смехом побежали по галерее. На стенах кое-где тускло горели фонари, освещавшие горбатые глыбы песчаника, заржавленные рельсы, гнилые столбы.

— Не вернуться ли назад? — сказала девушка, останавливаясь на повороте галереи.

— Вернуться? Но ведь мы так близко от входа, что еще слышна музыка.

Они осторожно двинулись дальше. Менгер зажег карманный электрический фонарь и все время держал его так, что Ида оставалась в голубоватом круге света.

— Как давит этот камень! Я чувствую, что над нами стоит весь Рансом, — сказала девушка. — Нет, я больше не могу! Здесь слишком душно!

Они сделали еще несколько шагов, повернули обратно и очутились в какой-то обширной пещере, где стояла перевернутая заржавленная вагонетка и слышался захлебывающийся шум невидимого ручья, падавшего в бездонную пропасть.

— Мы здесь не были! — останавливаясь, с испугом сказала Ида.

Менгер поднял фонарь над головой. На них злобно глянули нависшие каменные громады, потревоженные светом.

— Пойдемте отсюда! — в ужасе прошептала девушка, таща за руку своего спутника.

— Но куда? Подождите, ради Бога: ведь мы можем окончательно заблудиться! — Он поставил фонарь на землю, усеянную обломками угля, и прислушался. — Слышите? Музыка! Теперь я знаю, куда идти.

Менгер решительно направился к одной из черных расщелин, и за ним, покорно, не возражая, шла Ида. Музыка, игравшая вальсы, то удалялась, то приближалась; галерее не было конца, идти становилось все труднее, и на-

конец, совершенно обессиленные, они опустились на камень, загородивший им дорогу. Они сидели так близко друг от друга, что Менгер чувствовал, как дрожит рука девушки. Она взглянула на него глазами, полными слез, и прошептала:

— Неужели мы навсегда останемся здесь?

В эту минуту Менгеру хотелось, чтобы они еще долго ходили вдвоем по лабиринту, созданному рудокопами.

— Успокойтесь, — ответил он. — Если мы не выберемся сами, нас найдут. Но я хотел бы, чтобы это случилось не скоро.

— Почему?

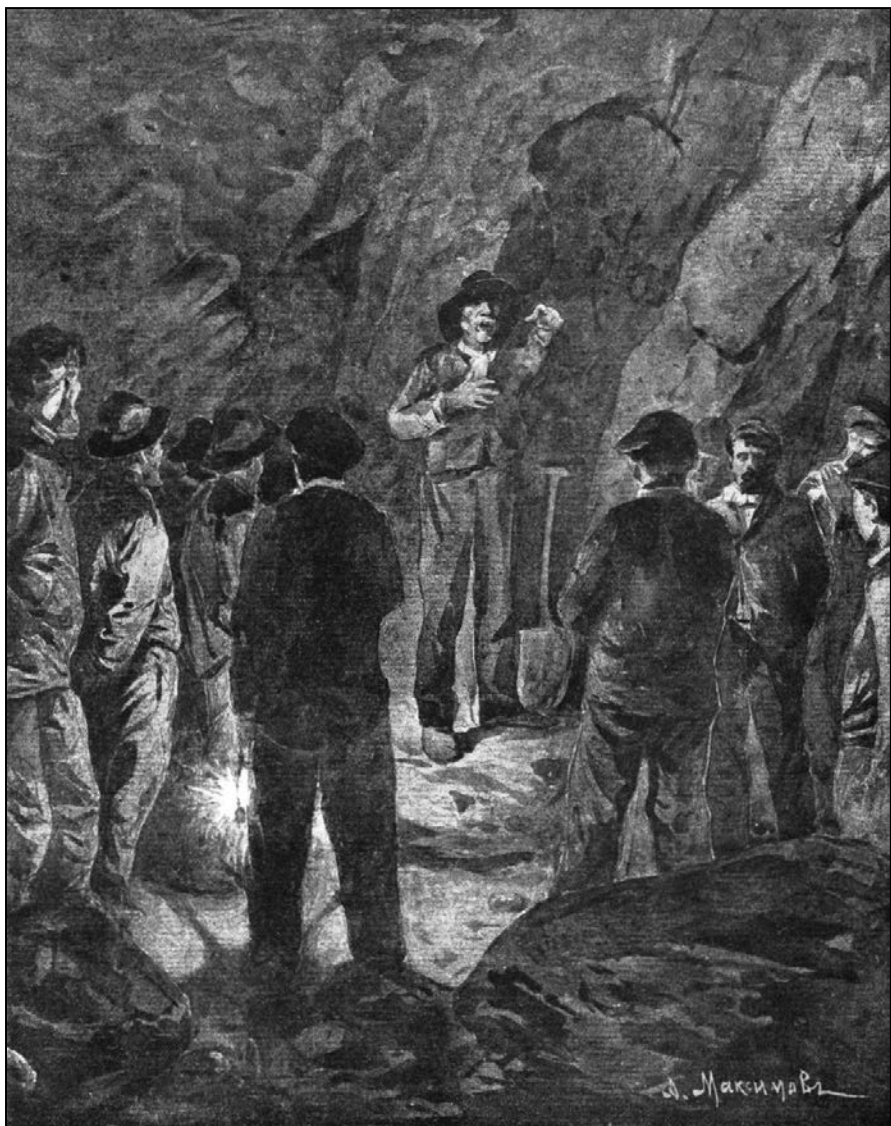
— Потому что эти камни держат вас около меня.

— Для этого, может быть, не нужно целого подземного лабиринта, — ответила Ида, улыбаясь сквозь слезы. — Но все-таки пойдёмте! — продолжала она, отнимая свою руку.

Они снова наудачу двинулись вперед, руководимые тем инстинктом, который заставляет всех заблудившихся бродить до полного изнеможения, иногда без всякой надежды на спасение.

Неожиданно впереди блеснул яркий свет, послышались громкие голоса, и молодые люди, скрытые за обломком скалы, увидели странную картину, которая навсегда осталась в их памяти. Среди круглой пещеры стояла кучка рудокопов, человек десять или пятнадцать. В этой неподвижной толпе были старики и молодые, на всех лицах застыло одно выражение, которое делало их похожими друг на друга и в котором было что-то общее с мрачными и суровыми глыбами камня, нависшими сверху и с боков. Красный свет фонарей освещал покрытые черной пылью лохмотья, лопаты и кирки, отполированные и истертые долгой работой. Рудокопы со вниманием заговорщиков слушали высокого слепого старика, который, стоя на глыбе угля, говорил резким металлическим голосом.

— Мы пережили страшное время, — слышали Ида и Менгер. — Когда сюда пришли немцы, нас было двести тридцать человек, а теперь осталось всего тринадцать! Где

— Мы пережили страшное время, — услышали Ида и Менгер. — Когда
сюда пришли немцы, нас было двести тридцать человек...

ваши дети? Где жены и матери? Я благодарю Бога, что не вижу теперь Рансома и, рассказывая среди его развалин, все еще представляю его себе таким, каким он был до войны. Ни здесь, ни там, наверху, враги не оставили ничего. На что вы можете надеяться? Я вам отвечу. Все будущее этого клочка земли заключается в ваших руках и в вашем сердце. Не поддавайтесь малодушию, не слушайте таких людей, как Витстон или наш товарищ Шавет, которые предлагают все бросить и бежать отсюда.

Старик говорил с приемами очень опытного митингового оратора. Он не волновался, не спешил и чутко следил за настроением кучки своих слушателей, которые поддерживали его одобрительными восклицаниями.

— Я не верю в сумасшедшие бредни о том, будто бы наука неожиданно открыла путь в другие миры. Может быть, это когда-нибудь случится, но нас не будет среди тех, кто покинет землю для неба. Мы дети земли и, пока живы, не променяем ее даже на рай. Опозоренная, оскверненная, она все же для нас дороже, чем все сверкающие звезды.

— Очень хорошо! — с едва скрытым раздражением сказал один из рудокопов, которого Ида видела на лекции Витстона. — Но, право, товарищи, странно слышать такие речи от старика Мальяра, лучшего оратора непримиримых рабочих.

— Подожди, Шавет! Я молчал, пока ты говорил.

— Я знаю, куда ты клонишь, — ты хочешь уничтожить «Левиафан»!

— Да, я его уничтожу! — смело ответил Мальяр, и слова его были заглушены энергичными сочувственными возгласами. — Это бескрылое чудовище ненавистно мне, потому что в нем заключена идея, расслабляющая волю. Я всю жизнь искал земного счастья...

— И что же ты нашел? — насмешливо спросил Шавет. — За проклятую работу под землей тебе платили ровно столько, чтобы ты не умер с голода. Сосчитай, сколько раз ты видел солнце, прежде чем ослеп. Теперь на месте твое-

го дома — обгоревшие камни, сыновья убиты на Маасе, и ты не знаешь даже, где их могилы. Немного тебе дала земля, Мальяр! И по-моему, ты напрасно вечно ссорился с аббатом Гилуа, который тоже советовал тебе чаще смотреть на небо.

Эти горячие слова не произвели на слушателей ни малейшего впечатления.

Со всех сторон послышались негодующие восклицания.

— Уходи отсюда! Ступай к директорам «Эмигранта»! Мы обойдемся и без тебя! Не вздумай только нас выдать! Говори, Мальяр, что надо делать?

— Я знаю, что надо делать! — сказал один из рудокопов, который был на целую голову выше своих товарищей. — Эти дураки поставили свою машину как раз над потолком копи Св. Христофора. Там, вы знаете, галереи давно обвалились, и теперь вся постройка висит на тонком слое угля. Должно быть, сам черт вмешался в это дело и держит ее до сих пор! Вот я и думаю, что если бы пустить туда огонь и потом, когда уголь выгорит, заложить пуда два динамита...

— Я ухожу, — сказал Шавет. — Вы знаете, что я не предатель, но вы еще пожалеете о том, что делаете!..

Он повернулся и, сопровождаемый враждебными взглядами, легкой походкой направился по темным галереям с такой уверенностью, как будто шел по ярко освещенным улицам. Ида, которая едва держалась на ногах от волнения, и Менгер пошли вслед за рудокопом и, к своему удивлению, через несколько минут увидели длинную ленту огней в галереях, открытых для публики. Среди разноцветных электрических ламп и разряженной толпы Иде показалось, что они вернулись из царства призраков.

— Скажите, — обратилась она к своему спутнику, когда они сели за один из столиков, — возможно ли, чтобы рядом с этим миром существовал тот, другой, который мы видели? И какой из них настоящий? Или оба они только миражи? Подует холодный ветер, и все исчезнет.

— Скажите, — обратилась Ида к своему спутнику, когда они сели за один из столиков, — возможно ли, чтобы рядом с этим миром существовал тот, другой?..

— По-моему, следовало бы все-таки предупредить главных инженеров об этих заговорщиках, — задумчиво сказал Менгер.

— Не смейте этого делать! — горячо воскликнула Ида. — Я вам запрещаю об этом говорить хоть одно слово! Слушайте?

Молодой человек с удивлением взглянул на раскрасневшееся лицо девушки.

— Вы, значит, в заговоре с этим Мальяром и другими? — улыбаясь, спросил он.

— Я не хочу выдавать чужих тайн.

— А «Левиафан»?

— Пусть он погибнет! Я ничего так не желаю. Меня не привлекает ваше холодное пустое небо с его неведомыми мирами. Я верю, как и Мальяр, в то, что ужасы войны сменяются полным и светлым счастьем для всех людей. Мы завоюем новый мир не там, а здесь. Мы носим его в своем сердце, — повторила она слова рудокопа.

— Ну, а если все-таки науке удастся осуществить эту великую мечту? Динамитом такой идеи разрушить нельзя: она бессмертна!

— А давно ли кто-то говорил, что чувствует себя счастливым со мною даже в этом каменном склепе? Но пусть осуществится эта ваша чудесная идея: пусть в небе где-нибудь откроется для людей та прекрасная страна, о которой говорят агитаторы, приглашенные Стоктоном. Пусть! И вот, если бы я вам сказала тогда: выбирайте небо без меня или Землю со мною, что бы вы ответили?

— Пусть погибнет «Левиафан», я готов сам пойти и помогать этому Мальяру, — ответил Менгер.

На другой день утром, когда Ида подошла к окну, она увидела огромный столб густого черного дыма, поднимавшегося рядом с верфью. Слух о подземном пожаре уже распространился по всему Рансому. В гостинице многие торопливо укладывали свои вещи, чтобы ехать в Шарлеруа. Управляющие, лекторы и агенты компании и сам Стоктон выбивались из сил, чтобы доказать, что никакой опасности нет и что произошла лишь маленькая вспышка подземного огня. Но им никто уже не верил. К вечеру работа прекратилась, дым окутал всю верфь, и Левиафан плавал в густых облаках, которые по временам совершенно скрывали его корпус. Наступила тревожная ночь. В Рансоне никто не ложился спать и все чего-то ждали. В одной из зал гостиницы до рассвета заседал совет главных инженеров и директоров под председательством самого Стоктона. Не было только Склярова. Его нигде не могли найти и начинали думать, что с инженером случилось какое-нибудь несчастье. Среди общей сумятицы и растерянности один Стоктон сохранял невозмутимое спокойствие. Он выслушивал советы своих подчиненных и друзей с видом человека, обдумывающего какой-то важный план, и никому не давал решительных ответов, все затягивая и затягивая обсуждение тех мер, которые могли бы еще спасти сооружение от гибели и остановить развитие подземного пожара. На рассвете в залу, где в облаках табачного дыма все еще заседало правление «Всемирного эмигранта», ворвал-

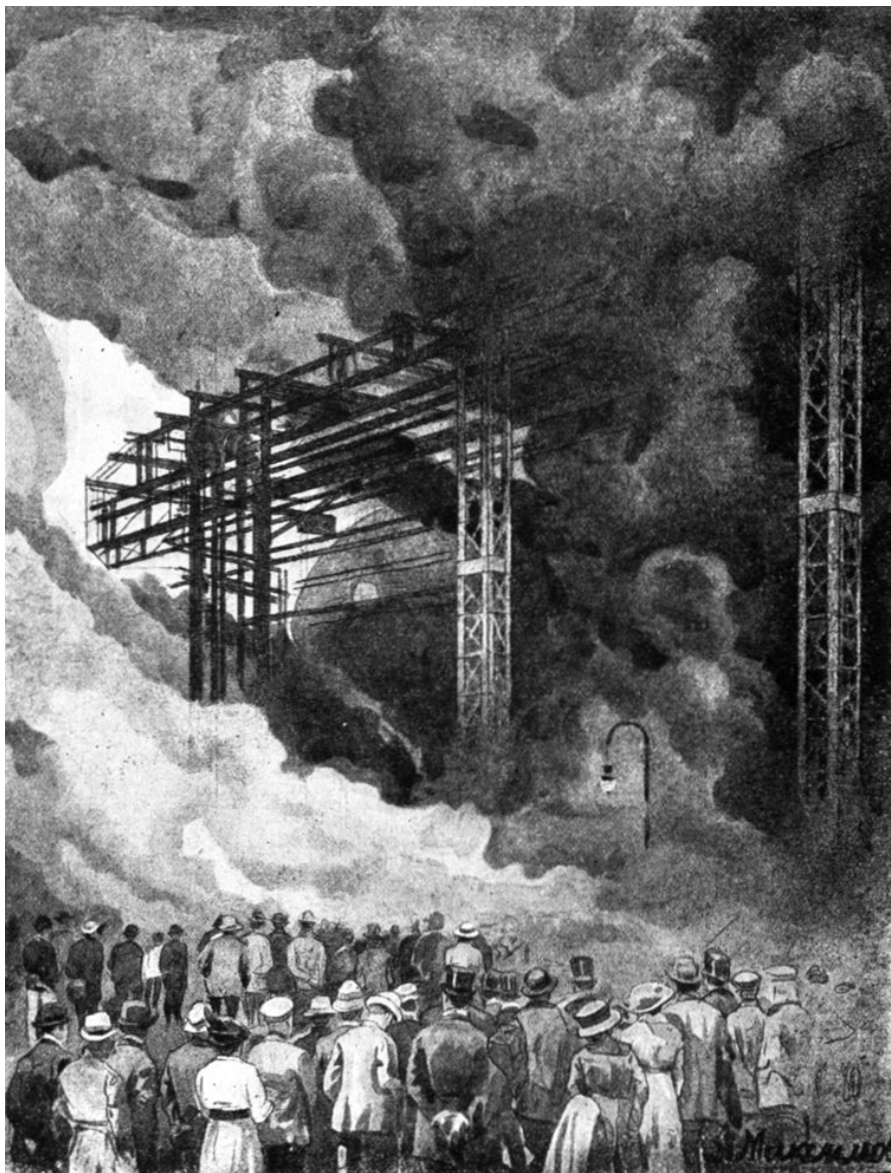
ся Скляр. Его костюм был в беспорядке, руки и лицо покрыты слоем копоти. Не замечая обращенных на него удивленных взглядов, он подбежал к столу и, задышавшись от радостного волнения, крикнул Стоктону:

— Я нашел! И ведь это было так просто! Как мы все раньше не видели, что надо сделать, чтобы решить последнюю задачу? Не понимаю! Вот, смотрите!

И, схватив со стола карандаш, он начал уверенно и быстро набрасывать широкими штрихами ряд чертежей и формул, в которых скрывалась та тайна, которую с нетерпением в течение пяти месяцев ждал весь мир, следивший за окончанием постройки «Левиафана». Сначала в зале стояла мертвая тишина, потом вдруг все встали со своих мест, окружили инженера, и Скляр не успел кончить своих объяснений, так как его голос заглушили шумные восторженные восклицания, возгласы удивления и восхищения. Стоктон побледнел и разом потерял все свое хладнокровие.

— Я боюсь, что мы опоздали! — сказал он. — Если бы вы сделали это вчера!

Он начал отдавать торопливые приказания: в несколько минут поставил на ноги всех рабочих и вместе с инженерами послал их отвести в горевшую галерею воду из прудов и ручьев Рансома. Но было уже поздно. Подземные своды, охваченные пламенем, начали заметно уступать давлению огромной массы железа и камня; почва под «Левиафаном» колебалась, с страшным грохотом рушились связи и скрепы, и корпус судна дрожал и раскачивался, словно охваченный бурей. Каждое его движение сопровождалось криками огромной толпы зрителей, собравшихся на другом конце Рансома. Никто, не исключая и самых трусливых, собиравшихся недавно бежать в Шарлеруа, не мог отвести глаз от этого зрелища медленной гибели стального чудовища, озаренного первыми лучами восходившего солнца. И вдруг вся эта толпа, среди которой стояли Ида, ее дядя и Менгер, замерла от ужаса. К «Левиафану» бежали четыре человека, — Скляр, Лебрен, агитатор Витстон и Шавет.

Подземные своды, охваченные пламенем, начали заметно уступать давлению огромной массы железа и камня...

— Мы еще успеем пустить в ход машину! — крикнул Скларов, — там целая Ниагара энергии, — и отведем ее в безопасное место! Скорей!

Все они через несколько минут исчезли в облаках дыма и долго спустя, — промежуток этот показался зрителям целой вечностью, — появились на розовой от лучей солнца поверхности гигантского ящера.

— Смотрите, вот Мальяр! — сказала Ида, схватив за руку Менгера и глазами указывая на высокую фигуру слепого рудокопа. Он стоял так, что солнце било прямо в его лицо, и с высоко поднятой головой к чему-то прислушивался.

— Я знаю, чего он ждет, — сказал Менгер.

В это мгновение оглушительный взрыв потряс весь Рансом. Волна подземного прибоя прокатилась под равниной и разбилась под верфью. Толпа, бросившаяся бежать в разные стороны, увидела, как «Левиафан» рванулся в высь, куда стремилась его направить воля человека, и, наклонившись, тяжело рухнул на землю, исчезнув среди горы обломков и клубов дыма.

ЛАБОРАТОРИЯ ВЕЛИКИХ РАЗРУШЕНИЙ

Илл. П. Бучкина

I

ИЗ ДНЕВНИКА РУССКОГО ЖУРНАЛИСТА В ПАРИЖЕ

В начале; 1913 года и жил в Париже на Rue de la Paix в небольшом отеле, почти совершенно пустом в это глухое время года, когда зимний сезон оканчивается, а весенний еще не начинается. Моим соседом был богатый купец из Руана, страдавший множеством болезней, которые он днем лечил у парижских знаменитостей при помощи радия, электричества и световых лучей, а ночью — в кафе на площади Оперы, усердно глотая коньяк, абсент и ликеры. Этот маленький толстый человек с красным лицом, на котором отчетливо проступала тонкая сеть фиолетовых жилок, и длинными седыми бровями, представлял настоящую энциклопедию медицинских наук или, правильнее говоря, полунаучных, полушарлатанских способов лечения. Он перепробовал все патентованные средства, проглотил такое количество всевозможных микстур, настоек, чудесных экстрактов и отваров целебных трав, что было совершенно непонятно, как он перенес такое лечение и остался жив. Господин Ферульяк повсюду носил с собой запах аптеки, сме-

шанный с пьяными ароматами крепких и дорогих вин. Гарсон, прислуживавший в нашем коридоре, называл приторную, тошнотворную атмосферу, окружавшую самого руанского капиталиста и все его вещи, «букетом господина Ферульяка».

Ко мне в комнату Ферульяк всегда входил с какой-нибудь банкой или коробкой с пилюлями и облатками, и настойчиво предлагал попробовать новое чудодейственное средство.

— Берите, берите! — повторял он, видя мою нерешительность. — Я, слава Богу, имею достаточно денег, чтобы угощать такими вещами всех своих знакомых.

— А вы скажите прежде, что это такое?

Ферульяку только и надобно было услышать подобный вопрос. Он садился в кресло, бесцеремонно отодвигал мои бумаги и с манерами извозчика, — мой сосед, впрочем, не скрывал, что он в молодости был кучером и погонщиком скота, — начинал излагать неистощимый запас своих медицинских познаний. Он говорил о женьшене, о рогах изюбра, о броун-секаровской жидкости, о гомеопатии, о фиолетовых и красных лучах, о тибетских травах и китайском способе лечения земляными червями, отваром пауков и вытяжками из гусениц шелкопряда. Был только один способ прекратить словоизвержение Ферульяка, прерываемое хриплым кашлем, от которого звенели хрустальные подвески в лампах, — это встать и решительно заявить, что вы должны идти, что вам некогда слушать лекцию о каком-нибудь индийском бальзаме, но и после этого бывший кучер сдавался не сразу. Он загораживал двери своим коротким тучным телом, удерживал меня за пуговицы сюртука толстыми пальцами, украшенными перстнями с целебными камнями, и продолжал говорить, пока вдруг не вспомнил, что ему пора бежать в какой-нибудь кабинет металло-терапии или принимать световую ванну. Другим моим соседом был опереточный артист, носивший отделанный мехом камзол фантастического покроя, яркий бархатный жилет с черными и красными разводами и голубые лайковые перчатки. Мосье Тремьер, хорошо известный посетителям

веселых ночных уголков Парижа, желал быть оригинальным и неподражаемым во всем, начиная с внешности. Ему действительно удалось добиться этой трудной цели, казалось бы, превосходившей силы пустого и ограниченного малого, каким он был. Булавку в галстук Тремьера украшал искусственный брильянт, отшлифованный в виде чечевицы, смотря в которую, можно было увидеть панораму Неаполитанского залива; его черная тяжелая палка заканчивалась серебряным черепом, глаза которого светились в темноте; кошелек был из настоящей человеческой кожи, — так, по крайней мере, уверял сам актер, — а материалом для часовой цепочки послужили пепельные, каштановые, черные и золотистые волосы, подаренные на память этому поистине необыкновенному человеку его старыми и новыми приятельницами. Но самое изумительное из его оригинальных свойств заключалось в той манере, с какой он снимал и клал свой цилиндр, стягивал с пальцев и бросал перчатки.

— Искусство снимать шляпу — величайшее искусство, — говорил мне Тремьер, искренне удивляясь той небрежной манере, с какой я проделывал необходимые для этого движения. — Тут все должно быть обдуманно и рассчитано, потому что очень часто, например, на прогулке в Булонском лесу или на скачках, вы при помощи шляпы и головы можете завязать новые, полезные и ценные знакомства или расстроить старые. Есть сорок семь способов кланяться, но я изобрел еще сорок восьмой и сорок девятый. Я снимаю цилиндр не спереди, а сзади, что позволяет не закрывать лица. Теперь перчатки. При помощи десяти пальцев, затянутых в лайковую кожу, вы можете разыгрывать целые симфонии, не произнося ни одного слова, выражать самые разнообразные чувства.

В то время, когда я жил на Rue de la Paix, артист не имел ангажемента и занимался тем, что показывал туристам, с которыми он повсюду заводил знакомства, «самое интересное» в Париже, неизменно начиная эти обзоры с Версаля и заканчивая их... Но кто же сумеет сказать, где и перед чем остановится господин Тремьер, располагающий

туго набитым кошельком скучающего иностранца или провинциала.

В одно ненастное утро, когда хлопья мокрого снега залепляли зеркальные окна модных магазинов против отеля, в мою комнату, не постучавшись, ворвался толстый Ферульяк. Он был еще не одет и явился в ночной рубашке и кожаных туфлях, волоча за собою голубые подтяжки.

— Слышали? Вот так история! — кричал он. — В нашем коридоре поселился еще один жилец. И знаете, кто? Пусть я лопну, если это не сам Дюфур! Вот она штука-то какая!..

Разбогатевший погонщик скота сиял от восторга, как будто приезд этого Дюфура был одним из самых счастливых событий в его жизни.

— А кто он такой, этот Дюфур? — спросил я, продолжая умываться.

— Как, вы не знаете? Ну — так я вас сейчас заправлю. Дюфур, знаменитый ученый: он изобрел или изобретает аппарат для соединения лучей радия, которые испускает земля; понимаете, что из этого может произойти? Я куплю такую штуку и у себя в Руане буду собирать эти лучи, как дождевую воду. Все, кто пожелает лечиться, пожалуйста к Ферульяку, который ни с кого не возьмет ни одного сантим. А если кто-нибудь не пожелает исцелиться добровольно, тому я устрою радийную ванну в его собственном доме! Ха-ха-ха!.. Вот будет потеха: никто не отвертится. Хочешь, не хочешь, а лечись! Повернул стекла, зеркала, нажал кнопку и закатывай через стену радиоактивные души. Сейчас одеваюсь и иду к Дюфуру! Я предложу ему за аппарат самую высокую цену. Туго набитый бумажник действует иногда сильнее радия.

Закончив свою болтовню этой плоской остротой, Ферульяк убрался в свою комнату доканчивать туалет, а я мог приняться за чтение газеты. Просматривая «Temps», я увидел в отделе хроники небольшую заметку о профессоре Дюфуре.

«Знаменитый химик, — писала газета, — продолжает свои работы над изобретением взрывчатого вещества неслыханной силы, которое должно внести полный переворот в воен-

ное дело. Пиронит, — так назвал это вещество профессор Дюфур, — создаст такую же новую эру в борьбе народов, как и изобретение пороха. Все крепости придется срыть, потому что они не будут представлять более никакой защиты от разрушительного действия снарядов, а сражения полевых армий станут напоминать мифы о боях богов и титанов, в которых принимали участие стихийные силы природы. К сожалению, Дюфур до настоящего времени вынужден производить опыты на свои личные средства, так как те физико-химические принципы, на которых он основывает свое изобретение, не получили общего признания, относятся к наиболее темной области в науке о природе и вызвали множество возражений со стороны не менее выдающихся ученых, чем и сам изобретатель пиронита».

Я подумал, что такой человек может быть одинаково и гением и ученым шарлатаном, который надеется извлечь груды золота из своего мнимого открытия. В этот день мне, по-видимому, не суждено было заниматься ничем другим, как только разговорами о Дюфуре. Он оказался блистательной кометой, нарушившей жизнь сонного и скучного отеля. Едва я успел окончить чтение газет, как в комнату вошел Третьер, держа в руках тщательно вылощенный цилиндр.

— Я иду к Дюфуру! Эти ученые нуждаются в том, чтобы их время от времени встряхивали и освежали.

— На месте Дюфура я не пожалел бы для вас нескольких граммов его знаменитого пиронита.

— А я вам говорю, что со всеми своими взрывчатыми веществами он не устоит перед Третьером. Через два-три часа мы поедем с ним в Версаль, или в Булонский лес, а вечером будем ужинать в кафе на углу площади Оперы. Приходите туда, я вас с ним познакомлю!

Третьер два раза повернулся перед зеркалом, стер платком часть пудры с лица и направился к двери.

— Пойдите! — остановил я его. — Объясните мне ради всего святого, каким путем вам удастся каждую минуту заводить все новые и новые знакомства и притом с людьми, у которых с вами нет ничего общего. Вчера утром вы ута-

щили куда-то из пятого номера почтенного пастора, вечером овладели каким-то подозрительным польским графом, третьего дня я видел вас в обществе двух не совсем трезвых московских купцов, которым вы почему-то показывали Вандомскую колонну, сегодня этот страшный изобретатель пиронита, а завтра, может быть, какой-нибудь перувианец или тамбовский помещик. Какая-то человеческая энциклопедия! И удивительнее всего, что со всеми ими у вас с необычайной скоростью завязываются приятельские отношения. Что это за необыкновенная способность?

Тремьер с удивлением посмотрел на меня.

— Что же тут необыкновенного?

— Ну, хотя бы то, что вы находите темы для разговоров со всеми этими вечно сменяющимися людьми.

— Я никогда не ищу темы, — ответил Тремьер. — Мы говорим все об одном и том же. Со мной все могут быть совершенно откровенны, так как я лишен всяких предрассудков, английских, американских, испанских или ваших русских. Один очень известный английский романист сказал мне: «Вы, Тремьер, в моральном смысле человек совершенно голый. Поэтому все так легко и свободно себя с вами чувствуют!». Однако, мне пора к Дюфуру! Не забудьте, в десять часов приходите в кафе!

Любопытство мое было сильно задето, и вечером, несмотря на отвратительную погоду, я пошел на площадь Оперы. Кафе, куда пригласил меня Тремьер, принадлежит к числу самых дорогих и роскошных во всем Париже. Здесь не бывает той суетливой толкотни, как в заведениях подобного рода на соседних бульвара. Войдя в небольшую залу, устланную пушистым розовым ковром, с позолоченной эстрадой для музыкантов, я сразу увидел круглое, сиявшее счастьем лицо Ферульяка, рядом с ним прямую фигуру Тремьера и напротив высокого, слегка сторбленного человека лет пятидесяти. У него были черные выющиеся волосы, небольшой красивый лоб, резко очерченные, точно подведенные карандашом брови. Выражение лица было насмешливое и вместе с тем грустное. Тремьер быстро поднялся мне навстречу и громко представил Дюфуру. При

имени профессора посетители кафе, сидевшие за соседним столом, повернулись в нашу сторону и с любопытством посмотрели на ученого.

...Я увидел круглое лицо Ферульяка, рядом с ним прямую фигуру Тремьера и напротив высокого, слегка сгорбленного человека лет пятидесяти.

— Я давно собирался поехать в Россию, — сказал Дюфур после того, как мы обменялись несколькими фразами о качествах вина, заказанного с шумной суетливостью Ферульяком, — но меня пугают ваши расстояния. Россия так огромна, что ее надо изучать долгие годы. Станный, загадочный и еще не сложившийся мир, вроде тех материков и морей отдаленных геологических эпох, где силы природы работали с удесятеренной энергией и производили все новые и новые формы жизни.

Дюфур поднял свой стакан с вином и задумчиво смотрел через него на яркий свет лампы. У него, вообще, была

манера внезапно прерывать разговор и о чем-то сосредоточенно думать, не обращая внимания на своих собеседников.

Потом ученый начал подробно расспрашивать меня о России, и видно было, что все вопросы он задавал с какой-то затаенной целью, прикрываясь лишь отвлеченным интересом, который возбуждала у него великая северная империя. Ферульяку наш разговор, видимо, очень не нравился. Он то и дело пытался вернуться к лечебным свойствам радия, но Дюфур отмахивался от него, как от назойливой мухи. Мы просидели до закрытия кафе, и я вместе с профессором вернулся в отель, а Третьер и руанский купец, поддерживая друг друга, направились в сторону Итальянского бульвара и исчезли в шумной толпе.

Так началось мое знакомство с человеком, великое изобретение которого, как я теперь наверное знаю, могло бы в несколько дней уничтожить все силы Германии, накопленные ею в течение десятков лет. Пиронит Дюфура действительно существовал, и скрытой в нем силе не могло противиться никакое человеческое сооружение. Правильнее было бы сказать, ничто материальное не могло уцелеть под действием этого адского разрушительного пламени, которое превращало в первобытный хаос, в лучи, исчезающие за пределами нашей планеты, все, что приходило с ним в соприкосновение. Как читатель увидит ниже, пользуясь изобретением Дюфура, его демоном разрушения, заключенным в платиновые трубки, можно было уничтожить, стереть с лица земли не только любой город, крепость или армию, но взорвать, распылить, превратить в ничто любую величественную горную цепь вроде Альп или Гималаев.

Я впоследствии узнал, что когда мы сидели в мирном кафе на площади Оперы, небольшая трубочка с пиронитом лежала в кармане Дюфура. Мне становится смешно и страшно, когда я вспоминаю красное добродушное лицо пошляка Ферульяка, легкомысленного и развязного Третьера и между ними этого гения разрушения, который спокойно, маленькими глотками пил шамбертен и время от времени дотрагивался рукой до футляра, оклеенного

красной сафьяновой кожей, в котором лежало то ужасное, что могло в несколько минут образовать в центре Парижа крутящийся огненный вихрь, постепенно углубляющийся в землю, в котором, как в гигантском водовороте, исчезли бы театры, дворцы, каменные громады домов, люди и самая почва. Возвращаясь к прерванному рассказу. На следующий день утром ко мне в комнату неожиданно вошел Дюфур. К моему удивлению, он задал мне несколько вопросов, касающихся моих занятий на родине, спросил, долго ли я предполагаю оставаться во Франции, и наконец сказал:

— Так как вас ничто не удерживает в Париже и, в качестве журналиста, вы хотели бы увидеть как можно больше, то я был бы очень рад, если бы вы нашли возможным заглянуть ко мне в Авиньон. Это прекрасный, древний и очень интересный город. Моя лаборатория помещается в опустевшем монастыре бернардинцев, в нескольких километрах от центра Авиньона. Места у меня много, так как монахи не переставали строить свой каменный лабиринт в течение трех столетий, и я сам не знаю всех углов и переходов этого бесконечного сооружения. С своей стороны вы будете мне очень полезны, если поможете выучиться русскому языку, на котором я свободно читаю, но мне теперь необходима практика.

— Ваше приглашение слишком неожиданно! И потом я не могу так долго оставаться в Авиньоне, чтобы вы могли извлечь серьезную пользу из моих уроков.

— Я полагаю, что мне не хватает главным образом правильного произношения, — ответил Дюфур, переходя на русский язык. — Как видите, я достиг некоторых успехов!

— Разрешите мне спросить, чтобы облегчить задачу, с какой целью вы изучаете русский язык?

Дюфур минуту помолчал и потом ответил:

— Может быть, мне все-таки придется поехать в Россию. После Франции это единственная страна, которой я могу предложить свой труд.

— Как профессор химии?

— Нет, как изобретатель.

— Хорошо. Так как я собирался ехать в Марсель, то ваше приглашение не нарушает моих планов. Через две или три недели я буду в Авиньоне, но не решаюсь сказать, сколько времени могу прожить в вашем монастыре.

Дюфур был, видимо, очень доволен моим согласием.

— Вы только приезжайте, а там мы сумеем вас удержать, — сказал он на прощанье. — Телеграфируйте, я вышлю на вокзал автомобиль.

Он пожал мне руку и направился к дверям, но на пороге остановился и сказал фразу, странного смысла которой я долго не мог понять:

— Какая бы ни была погода, вы поедете в открытом экипаже, — непременно в открытом! — и, пожалуйста, сидите так, чтобы вас хорошо было видно всем, кто идет по сторонам дороги.

С этими словами он вышел из комнаты.

II

ИЗОБРЕТАТЕЛИ ПИРОНИТА

В Авиньон я приехал в теплое, пасмурное апрельское утро. Иногда накрапывал мелкий дождь, порывы ветра буйно и весело шумели в вершинах ив и тополей; но, несмотря на тучи и дождь, в этой части цветущей долины Роны уже чувствовалось широкое и свежее дыхание южного моря. Я вышел из вокзала и увидел у подъезда большой черный автомобиль с откинутым парусиновым верхом. Шофер, утрюмый, плечистый малый, молча открыл дверцу и, пока носильщик размещал мои корзины и чемоданы, пристально и внимательно смотрел на меня, держа руку в толстой кожаной перчатке на рулевом колесе. Я сразу заметил в лице этого человека какую-то странную, неприятную особенность, но не мог понять, в чем она заключается, пока один из носильщиков, побрякивая полученными деньгами, не крикнул шоферу:

— Ну, Морло, протри хорошенько свой стеклянный глаз, чтобы не вывалить в Рону багаж и пассажира!

Морло промолчал и пустил в ход машину. Через несколько минут, когда мы мчались по блестящей от дождя асфальтовой мостовой, он повернулся ко мне и медленно, разделяя слова, сказал:

— Стеклянные глаза тоже имеют свои преимущества!

Я не нашел, что ответить на это странное замечание... На улицах Авиньона, древнего центра католичества, на каждом повороте видишь какую-нибудь средневековую башню с узкими, как щели, окнами, церковь или часовню, украшенную изображениями святых и аллегорических чудовищ. Иногда этим каменным изваяниям не хватает места на стенах, и они, подобно густо разросшимся вьющимся растениям, поднимаются над крышами, оплетают колонны, заглядывают в цветные окна. Рядом с этими остатками исчезающего мира вырос новый богатый город, строения которого теснят и давят каменные призраки отдаленного прошлого. Блеснула Рона, и на широкой глади я увидел уродливое очертание четырех разрушенных арок старинного моста, построенного, по преданию, чертом и св. Бенедиктом. Я спросил шофера об этой легенде.

— Не знаю! — ответил он. — В Авиньоне давно уже нет ни святых, ни чертей. — Ловко обогнув ехавший нам навстречу огромный фургон, он добавил: — Впрочем, одного я видел!

— Кого?

— Полагаю, что это было то, о чем вы спрашиваете, — уклончиво ответил шофер.

— Где же вы его видели? — спросил я, все более и более удивляясь странным ответам и замечаниям моего спутника.

Но Морло снова замолчал, и молчал, пока мы не проехали мимо зеленого острова Бартеласа, густо заросшего у берегов старыми ивами, ветви которых наклонялись к самой воде. Когда мы миновали город, дождь усилился; я было хотел нарушить просьбу Дюфура и попросил шофера поднять парусиновый верх, но Морло отрицательно покачал

головой. Я раскрыл зонтик и сидел среди своих намокших вещей, смотря на ярко-зеленые поля, убежавшие по обеим сторонам превосходного широкого шоссе. Впереди показалась роща, и Морло вдруг замедлил ход автомобиля. Это меня окончательно вывело из терпения.

— Послушайте, любезнейший, — сказал я, — мне совсем не нравится мокнуть под дождем! Слышите?

— Благодарю вас, я слышу очень хорошо!

— Что такое? — закричал я, окончательно рассерженный этим глупым ответом. — Поезжайте поскорей!

— Вы куда хотите сегодня доехать?

— К профессору Дюфуру, конечно. Что за вопрос?

— Ну, так если вы не хотите очутиться в другом месте, то мы должны ехать через лес самой малой скоростью.

— Ничего не понимаю.

— Если бы вы и понимали, то дождь мочил бы вас не меньше.

— Я буду жаловаться Дюфуру на ваше поведение.

— Теперь, я думаю, он нас хорошо видит, — пробурчал Морло.

Я с недоумением посмотрел на зеленую стену кустарника и тополей, омытых дождем, и вдруг увидел или, вернее, почувствовал, что за нами кто-то внимательно наблюдает, прячась за группой отдельно росших деревьев. На мгновение мне показалось, что между склоненными к земле ветвями, на которые в эту минуту золотом брызнуло солнце, мелькнула чья-то черная фигура.

Автомобиль понесся, как стрела. Шофер, видимо, старался наверстать потерянное время, и через десять минут мы влетели в раскрытые ворота, скрипевшие на заржавленных петлях, и, описав широкую дугу по заросшему травой пустырю, остановились перед боковыми дверями заброшенного монастыря.

При взгляде на это здание я пожалел, что принял приглашение Дюфура. Глубокая печаль была в покрытых плесенью и мохом низких арках, уходивших в землю, печаль немая и бледная смотрела в длинные ряды окон с выбитыми стеклами. Молчание и мрак царили в этом гигантском

каменном трупe. Отдельные здания, соединенные крытыми галереями и колоннадами, постройки и башни, круглые и четырехугольные, образовали хаотическое нагромождение бездушного камня, лишенное красок, симметрии и стиля. Казалось, что все эти сооружения, принадлежавшие разным векам и эпохам, сошлись на пологом склоне холма, чтобы тоскливо закончить здесь свою долгую жизнь. Массивная дубовая дверь, почерневшая от времени, в которую каким-то условным образом, с короткими промежутками, простучал Морло, была украшена великолепной художественной резьбой, изображавшей шествие химер. Над дверями, в глубокой нише, освещенной лучами солнца, помещалась мраморная группа, со страшной живостью воспроизводившая борьбу человека с дьяволом. Художник представил беса в виде того ужасного, отвратительного существа, одного из сонма, созданного больным воображением средневековых демономанов, который в древних хрониках и судебных актах инквизиции носил имя Бельфегора. Бородавчатые лапы лягушки, отвисшее брюхо и голова кабана с крепкими коническими бивнями. Борец-человек был худой, изможденный бичеваниями, постом и молитвою. Он упал на одно колено и с последним страшным усилием отталкивает головой и руками мягкое огромное тело Бельфегора. В углу, подле колонны, стоял едва намеченный резцом, не отделившийся еще от камня ангел с весами в правой руке и ждал исхода борьбы.

Дверь отворил сам Дюфур. Он был в серой рабочей блузе, подпоясанный широким ремненным поясом, и в войлочных туфлях. Проводив меня в соседнюю пустую комнату, единственной мебелью которой служили две широкие скамьи, он вернулся к автомобилю, и я услышал голос Морло:

— Он ждал нас около поворота!

— Ты рассмотрел его?

— Ну, это не так-то легко, особенно когда смотришь одним глазом!

Они поговорили еще о чем-то шепотом. Потом Морло внес мои вещи, и профессор повел меня во второй этаж, в обитаемую часть бесконечного здания. Мы прошли длин-

ную галерею, украшенную по стенам и углам паутиной, которую пауки плели здесь в продолжение целых столетий, поднялись по узкой каменной лестнице, и когда Дюфур толкнул дверь, я вздохнул с облегчением. Мы очутились в комнатах, очищенных от пыли и обставленных удобной мебелью. Здесь были мягкие кожаные кресла, столы, заваленные рукописями и книгами, библиотечные шкапы, и в темных закоулках, к которым монахи питали какую-то страсть, горели электрические лампы. Эти три комнаты Дюфура были радостным и светлым оазисом среди унылых, гулких хором, где серая пыль покрывала своды и массивные скамьи, на каждой из которых могли бы усесться два десятка человек, лежала на гигантских столах, построенных из корабельного леса, и при каждом дуновении ветра поднималась с каменного пола.

— Переоденьтесь в сухое платье, — сказал Дюфур, — и пойдемте обедать. Я вас познакомлю с моими сотрудниками.

Обед был накрыт в старой монастырской столовой, рядом с которой помещалась кухня. Зала эта была так велика, что в ней вокруг стола можно было бы проехать на паре лошадей. У одной из стен находилось высокое резное кресло для настоятеля и над ним мраморное распятие. На другой полуистлевшие краски позволяли различить смутное очертание библейской картины, а против нее висел разорванный холст с изображением какого-то старика в черной мантии. Его коричневое лицо почти совершенно слилось с темным фоном портрета, но глаза, живые и лукавые, прекрасно сохранились и были так удивительно написаны, что, где бы вы ни сидели, они всюду наблюдали за вами, смотря из черной застывшей глубины. Когда мы вошли в эту столовую, в ней находилось уже два человека. Они шумно и горячо о чем-то спорили, и голоса их глухо отдавались во всех углах. Собственно, кричал один из них, — Жан Бастьен, — плотный приземистый мужчина лет сорока. У него была большая голова с целой гривой черных волос, к которым, по-видимому, давно не прикасалась гребенка или щетка; бледное лицо, с широким четырехугольным лбом и

выдавшейся вперед нижней челюстью; густая спутанная черная борода закрывала грудь и в нескольких местах была опалена взрывами тех опасных веществ, с которыми постоянно возился этот человек. Одет он был чрезвычайно небрежно и неряшливо. Черный, расстегнутый жилет покрывали желтые и бурые пятна, из разорванного кармана пиджака висел грязный платок, а широкие порывевшие панталоны были подвязаны у пояса ремнем, оборванные концы которого спускались до колен. Во время разговора он имел привычку беспрерывно тереть бороду своей худой рукой с необыкновенно гибкими, подвижными пальцами. Другой сотрудник Дюфура произвел на меня несравненно лучшее впечатление. У него были прекрасные лачистые серые глаза, которые невольно останавливали внимание того, кто встречал этого человека. Добрая, застенчивая улыбка придавала его некрасивому лицу чрезвычайно привлекательное выражение, а тихий голос и робкие манеры заставляли предполагать, что Амбруаз Рене был воспитан женщинами или вырос в одиночестве, без друзей и товарищей.

Когда мы уселись за стол, Бастьен продолжал начатый спор, обращаясь то ко мне, то к Дюфуру; при этом он стучал ножом по тарелке, с грохотом отодвигал скамью, уронил на пол стакан и производил один столько шума, сколько не могли наделать все монахи обители св. Бернарда, обедавшие когда-то в этой комнате.

— Я знаю, черт побери, на что мне нужен этот пиронит или какое-нибудь другое такое вещество! Твердо и отчетливо знаю, иначе зачем бы я ухлопал двадцать лучших лет на возню с вонючими газами, ретортами и колбами! Вы думаете, это легко? — набросился он на меня. — Пока вы разгуливаете по лужкам и забавляетесь с пастушками, люди, подобные мне, сидят в каменных клетках с тиграми. Что я говорю, с тиграми? Хуже! Тут одно неосторожное движение, пять лишних градусов температуры, ничтожная разница в силе тока — и от вас не останется ничего, что можно было бы собрать и без величайшего скандала предъявить для похорон. У Рене взрывом искалечены ноги. Я весь обож-

жен. Вот, смотрите! — Он засучил рукав и показал зарубцевавшуюся рану выше локтя. — Такие следы у меня на шее, на ногах и груди. Часто, входя в лабораторию при начале новых опытов, я не знаю, выйду ли из нее живым. Где, я вас спрашиваю, Леру, славный, веселый малый?

Я не знал, где был этот Леру.

— Он отравился ядовитыми газами. Где Жиро? Погиб при взрыве лаборатории. Сент-Андре? Сгорел. А-а... Вы думаете, это так же легко и просто, как болтаться по театрам и ресторанам? Попробуйте! держу пари на сто франков, что если я вас пушу в мою лабораторию, то через пять минут мы все взлетим выше Эйфелевой башни, и за нами отправится это дряхлое аббатство. Попробуйте, милости просим! Вот ключ!

— Послушайте, Бастьен! — вмешался Дюфур, улыбаясь. — Наш гость совсем не желает производить таких опытов.

— Ну, так пусть он не говорит о том, чего не знает!

Вошел Морло с большим блюдом, на котором лежали куски жареного мяса и пучки зелени. За ним показался еще один товарищ Дюфура, высокий, стройный, с отчетливыми, уверенными и твердыми движениями. На голове у него была белая повязка, закрывавшая лоб и правое ухо.

— Капитан Рамбер! — сказал Дюфур, знакомя нас. — Он немного пострадал при последнем испытании пиронита.

— Рана почти зажила, — ответил Рамбер, — но я все еще плохо слышу, и поэтому вы меня извините, если я попрошу говорить со мной громче, чем с другими.

— Мы по очереди дежури́м на кухне, — объяснил Дюфур, когда мы принялись за еду, — так как весь наш штат прислуги состоит из одного Морло. Вам поэтому придется извинить нас за качество кушаний. Впрочем, Рамбер хороший повар, а вот Бастьен... Он воображает себя на кухне в химической лаборатории и производит опыты с мясом, дичью и зеленью, стараясь, должно быть, приготовить новое взрывчатое вещество.

Все засмеялись, за исключением самого Бастьена, который никогда не смеялся.

— Зато, благодаря этим моим опытам, — сказал он, — вы можете похвалиться, что ели такие кушанья, которых не пробовал ни один король, ни один разжиревший буржуа.

— Я думаю, — вставил Рене.

— Кухня с начала веков находится в руках самых невежественных людей. Когда в нее заглянут изобретатели, таланты, знания, тогда только мы съедем первый хороший обед.

— Или совсем не будем обедать, — возразил Рамбер.

— Вы-то уж, капитан, помолчали бы! Не спору, вы прекрасный физик-экспериментатор, но на кухне вас заедает рутина. Мой протертый заяц, сваренный с медом...

— Есть вещи, о которых лучше не вспоминать, — сказал Дюфур.

— Прекрасно, но ведь хвалили же вы, черт побери, телятину, которую я сначала заморозил жидким воздухом, а потом истолок в ступе. Впрочем, если вы недовольны моими стараниями, то я торжественно, раз навсегда...

— Перестаньте, Бастьен! Мы все благодарим вас за... не знаю, право, как назвать эти невиданные кушанья, но не лучше ли держаться на кухне старого порядка?

— Это мы еще посмотрим, — угрожающе пробурчал Бастьен, жадно обгладывая кость крепкими белыми зубами.

Я хотел вернуться к началу разговора и узнать, с какой целью Бастьен работает над изобретением новых взрывчатых веществ, но обед кончился, и Дюфур сказал, что я до вечера останусь один, так как в лаборатории много работы.

— Осмотрите пока здание, — посоветовал ученый. — Оно совершенно пустое, но на всякий случай не заходите в темные и отдаленные закоулки.

Они все вместе пошли к выходу, — впереди Дюфур, за ним сильно хромавший Рене, потом обожженный Бастьен и сзади Рамбер с забинтованной высоко поднятой головой.

Я наудачу отворил одну из массивных дверей и очутился в широком коридоре со сводчатым низким потолком. Пройдя его, я попал в часовню, в которой царил жуткий полумрак; на каменных плитах пола и решетки, сплетен-

ной из железных лилий и виноградных листьев, лежали яркие красные и фиолетовые пятна солнечного света, проникавшего сюда через круглое окно с цветными стеклами. Через маленькую боковую дверь я попал в какой-то узкий темный туннель, в конце которого брезжил чуть заметный свет. В десяти шагах от часовни в глубокой нише можно было различить ступени винтовой лестницы, уходившей куда-то вверх. Меня начал охватывать смутный страх, но вместе с тем росло и жуткое любопытство, заставлявшее исследовать все углы и переходы этого каменного лабиринта. Поднявшись по лестнице, я попал в квадратную башню, служившую, должно быть, тюрьмой, так как узкое окно было заделано густой железной решеткой, а на стене уцелело ржавое кольцо с короткой в два фута цепью. Спустившись обратно и дойдя до конца туннеля, я, к своему удивлению, увидел шофера Морло, который стоял среди большой залы и, наклонившись к пыльному полу, внимательно рассматривал одну из каменных плит.

— Что вы здесь делаете? — спросил я.

Морло вздрогнул и выпрямился.

— Что делаю? А вот посмотрите сюда! Видите: след чьей-то ноги.

— Прекрасно вижу, но что же тут необыкновенного?

— Если есть след, значит, был человек, — ответил Морло с таким выражением, как будто сомневался в справедливости своего вывода.

— Конечно!

— Но куда же он девался?

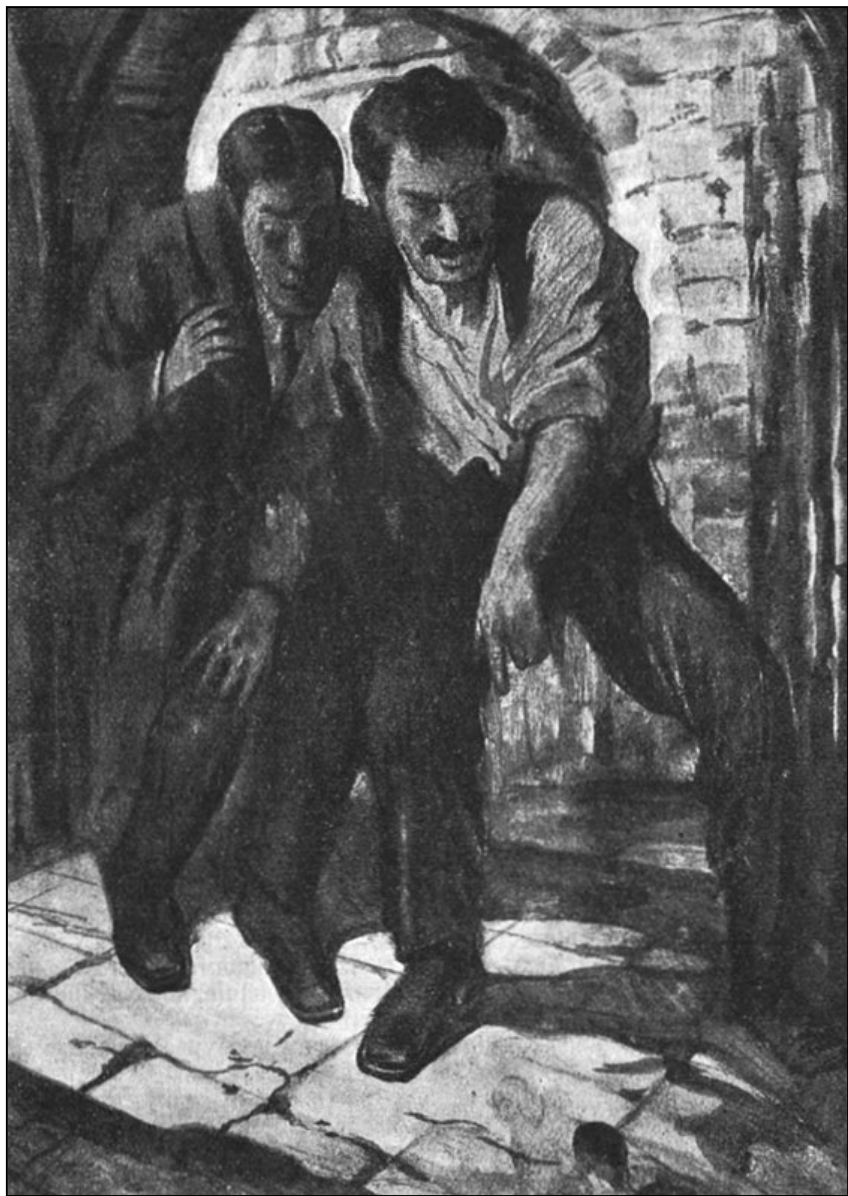
— Если его нет здесь, значит, ушел, — ответил я, улыбаясь.

— Да, это правильно! Хотя он, может быть, все еще здесь, рядом с нами.

Я невольно оглянулся.

— Но его не так-то легко увидеть: я ищу его целый месяц и еще ни разу не встречал.

— Да ведь этот след мог оставить Дюфур или кто-нибудь из его помощников.

...А вот посмотрите сюда! Видите: след чьей-то ноги.

— Посмотрите хорошенько, ведь это отпечаток босой ноги.

Тут я только заметил, что на слое серой пыли остались следы пальцев: это обстоятельство заставило меня вдруг чего-то испугаться.

— Теперь вы поймете, в чем дело, — продолжал Морло, заметив мое волнение и тот интерес, с которым я вновь принялся рассматривать отпечаток большой грубой ноги. — Тут творится какая-то чертовщина. Этот босой человек или дьявол расхаживает повсюду, я находил его следы в третьем этаже и в подвалах, но еще не разу не видел его самого и полагаю, что его никто не увидит.

Мы невольно говорили шепотом, так как в этой части здания эхо повторяло каждое слово, и эти глухие голоса камней производили до крайности неприятное впечатление. У меня очень тонкий слух, и в тот момент, когда Морло замолчал, я слышал осторожные мягкие шаги в той самой галерее, которую только что прошел.

— Он там! — сказал я, поднимая руку и чувствуя, как на мгновение замерло сердце.

— Скорей!! — закричали разом я, Морло и звучные стены.

Стуча сапогами по истертым плитам, мы бросились ко входу в туннель, пробежали его быстрее ветра до часовни, но всюду было пусто и тихо, и только на башне над нашей головой скрипел и стонал заржавленный флюгер.

Когда я вернулся в уютную комнату Дюфура и уселся в мягкое удобное кресло, вся эта история начала постепенно утрачивать свои жуткие очертания, и мое поведение мне самому стало казаться смешным и нелепым. Испугаться следа чьей-то босой ноги! Как будто в монастырь не мог зайти какой-нибудь крестьянин или пастух, желавший укрыться от дождя или осмотреть заброшенное здание, в которое можно было проникнуть через десятки входов и разбитые окна. Я и Морло так кричали, что непременно должны были напугать этого бедняка, который, вероятно, без оглядки бежит теперь под проливным дождем. Может быть,

я увидел бы его в окно, если бы горизонта не закрывали большие деревья, росшие вокруг овального пруда с темно-зеленой водой. Этот угол запущенного и заброшенного парка под окнами Дюфура производил такое же мрачное, то-скливое впечатление, как и самое здание. Вода застыла, умерла, и казалось, никакая буря не могла всколыхнуть гладкую поверхность искусственного озера, среди которого чернели две наполовину затонувшие лодки. В деревьях не чувствовалось жизни, не видно было веселого, радостного трепетания листьев и ветвей, слившихся в одну безформенную тяжелую массу. На месте Дюфура я предпочел бы наглухо закрыть эти окна и целый день пользоваться электрическим светом, лишь бы не видеть угнетающей картины тления и разрушения. Вечер я провел в одиночестве, скучая над каким-то ученым трактатом о радиоактивных веществах. К ужину мы все снова собрались в монастырской столовой. Свет лампы, спускавшейся с потолка, падал на угол стола и на небольшую часть каменного пола, — все остальное пространство оставалось во мраке; там шла какая-то своя жизнь, странная, чуждая и непонятная для нас.

Мои новые знакомые завели сначала ученый спор об источниках атомной энергии, в котором я ничего не понимал, но потом разговор перешел на более интересную для меня тему.

— Такая дождливая и темная ночь, как сегодня, очень удобна для этого проклятого Икса, — сказал Бастьен, оглядываясь в ту сторону, где смутно виднелся ряд глубоких оконных ниш. — Вы осмотрели двери, Рамбер?

Капитан молча кивнул головой.

— Кто этот Икс? — спросил я.

Бастьен пожал плечами.

— Об этом я знаю не больше вашего, за исключением того, что встреча с этим человеком может иметь очень скверные последствия для него или для меня.

Я вопросительно посмотрел на Дюфура.

— Видите ли, — сказал профессор, — с некоторого времени наша лаборатория и заключенные в ней материалы

представляют такую ценность, как если бы здесь хранилось все золото французского банка. Пиронит и, главное, искусство его приготовления в переводе на деньги означают миллиарды франков. Вернее говоря, — нет, не может быть такой суммы, в какую возможно было бы оценить мое изобретение.

— Наше изобретение! — поправил Бастьен.

Я с трудом скрыл недоверчивую улыбку при взгляде на грязную скатерть, серые дешевые тарелки и блюдо с отбитым краем, которое стояло перед этими сказочными богачами.

— Не знаю, каким путем, — продолжал Дюфур, — кому-то, несмотря на всю нашу осторожность, удалось довольно точно ознакомиться со свойствами пиронита. Месяца за два до вашего приезда, почти в тот самый день, когда производились первые опыты с пиронитом, мы получили письмо...

— И довольно странным способом! — прервал Рене профессора. — Мы нашли конверт на этом столе, на том месте, где стоит ваш прибор.

— Вот это письмо, — сказал Рамбер, протягивая мне вчетверо сложенный лист бумаги.

Развернув его, я увидел несколько строк, написанных твердым, размашистым почерком:

«Профессор Дюфур и его друзья извещаются, что они должны не позднее конца марта составить подробное описание приготовления пиронита и положить рукопись сзади алтаря, в круглой часовне. В противном случае все они будут приговорены к смерти, и ни один из них не покинет этого монастыря».

Вместо подписи стояла большая буква Х.

— Подобные же письма мы получали еще два раза, — продолжал Дюфур. — По некоторым причинам я считаю дело это очень серьезным, и поэтому просил вас ехать в открытом экипаже, чтобы вы не подверглись той опасности, которая угрожает только мне и моим товарищам.

Я хотел возразить профессору, что он, может быть, преувеличивает размеры опасности, но промолчал, вспомнив

мелькнувшую между деревьями около дороги черную фигуру.

— Желал бы я встретиться с этим негодяем, — задумчиво сказал Рамбер.

— Ваше желание легко исполнить, — насмешливо ответил Бастьен, ловко бросая хлебный шарик в портрет старого монаха, который своими живыми глазами смотрел на нашу компанию из глубины рамы. — Пройдите сейчас по всем галереям, и наверное вы где-нибудь наткнетесь на почтенного Икса.

— И получу из-за угла пулю, как это случилось с Рене.

— Как, дело дошло уже до этого? — спросил я.

— Да, это произошло три дня тому назад, — сказал Рене. — У меня была привычка ходить вечером по одному из бесчисленных коридоров, обдумывая сложные и запутанные вопросы, на которые я наталкивался во время работы в лаборатории. Проходя мимо какого-то отверстия в стене, я вдруг услышал сзади слабый шорох, быстро обернулся, и это невольное движение спасло мне жизнь, так как пуля ударилась на вершок выше моей головы.

— Отчего вы не обратитесь к полиции? — спросил я у Дюфура.

Профессор улыбнулся.

— Во-первых, что же может сделать полиция с этим никому не ведомым Иксом? А во-вторых, — полицейские чиновники слишком любопытны, и я поэтому не хотел бы пускать их дальше порога.

— Я, например, не имею малейшего желания встречаться с жандармами и судебными следователями! — воскликнул Бастьен. — Но они были бы очень рады увидеть меня здесь! А, как вы думаете? — спросил он, обращаясь к Дюфуру.

— Слушайте! — остановил нас Рене, поднимаясь с своего места и вытягивая руку по направлению к боковой двери.

Мы замолчали, и в наступившей тишине отчетливо и ясно зазвучало отдаленное жалобное и невыразимо тоскливое пение.

— Что за чертовщина! — сказал Бастьен, напряженно прислушиваясь.

— Тише! — шепотом остановил его Амбруаз, побледнев от волнения. — Это церковная служба.

— Или ветер, — нерешительно заметил Дюфур. — Все это здание с десятками коридоров и множеством расщелин напоминает огромный каменный орган, в котором рождаются самые странные звуки.

— Но только не слова латинской молитвы, — ответил Рене. — Вот теперь громче, слышите?

Но голос или голоса внезапно умолкли, и, стоя в светлом кругу под лампой, мы могли уловить лишь отдаленный шум деревьев и монотонный стук дождя за окнами. Рамбер, который ничего не слышал, с уверенностью повторил:

— Ну, конечно, ветер, что же еще тут может быть?

— К черту все эти глупые сказки и старые легенды! — закричал Бастьен, с грохотом отодвигая скамью. — Я удивляюсь вам, Рене; вы ведь отлично знаете, что в мире нет ничего, кроме движения. Неосвязаемый эфир и его колебания, — вот что такое все вещи и люди.

— Но не могу же я не верить своим чувствам!..

— Лгут, обманывают и чувства! Я верю только разуму.

— Мне тоже показалось, что кто-то пел молитву, — сказал я.

— Вздор! — кричал Бастьен с волнением и так оглушительно стучал по столу, как будто этим стуком желал заглушить голоса целого сонма призраков. — Здесь, кроме нас да еще, может быть, этого подлого Икса, никого нет. Но не станет же Икс, человек в высшей степени осторожный и ловкий, распевать, как дурак, в пустых залах, подражая голосу давно исчезнувших отсюда монахов. Вы, Рене, начинены легендами, словно брамин, турецкий святой или проводник по катакомбам. Для ученого это весьма скверный багаж.

— В легендах иногда можно найти такую же глубину и красоту, как и в научных теориях, — ответил Рене. — Это причудливые фантастические растения прошлых веков, ко-

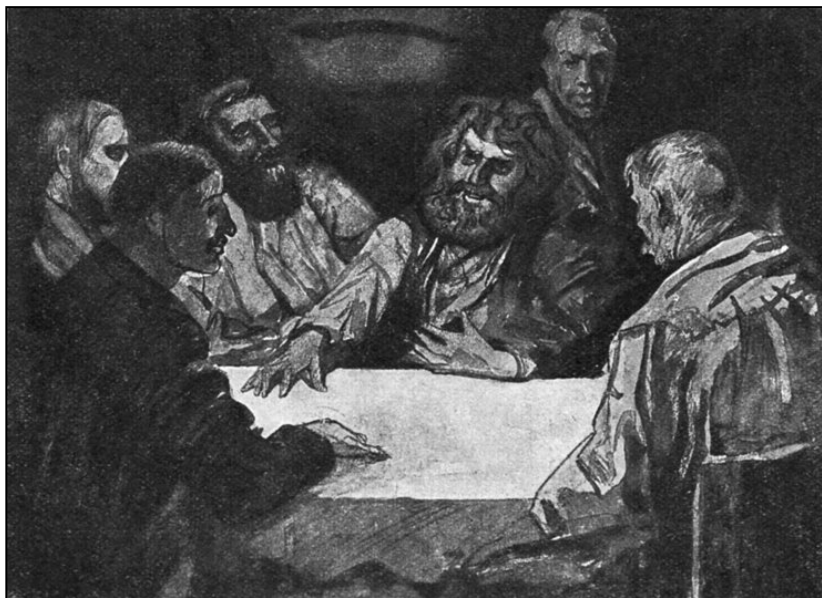
торые разворачивают еще кое-где свои редкие цветы и листья над нашей почвой.

— Их надо выколоть, вытоптать, вырвать с корнем, чтобы они не отравляли воздух своим ядовитым дыханием! Долой все старые сказки! — закричал Бастьен, размахивая своей обожженной рукой. — Мы, ученые и техники, создадим самую прекрасную и величественную легенду. Мы сравняем горы, превратим пустыни в моря, откроем путь в глубину нашей планеты, устроим города около полюса и зажжем искусственное солнце! Наступят новые дни творения. Наука изменит климаты, направит по новым путям морские и воздушные течения, вернет на землю первобытного плезиозавра и мамонта или создаст животных еще более чудовищных. Старые леса и поля исчезнут, — на их месте развернется волшебная флора. Тебе, Рене, я много раз описывал эту растительность, формы которой ботаники и физиологи будут заранее проектировать так точно, как теперь инженеры составляют чертежи мостов и машин. Наука поведет нас в бездны неба, на другие планеты, может быть, на иные звезды, и тогда наступит золотой век, осуществится самая удивительная легенда о всемогущем человеке.

Бастьен не мог сидеть от охватившего его волнения. Он быстрыми нервными шагами расхаживал в освещенной полусе около стола, провожаемый насмешливым лукавым взглядом старого аббата на стене. Рамбер и Дюфур, казалось, совершенно не слушали своего товарища; Рене задумчиво смотрел в стороживший нас мрак, наполнявший густую пустоту. И только я один с возрастающим удивлением следил за бурной речью этого фанатика науки, голос которого далеко разносился по пустынным залам и коридорам отцов-бернардинцев.

— Но для того, чтобы наука и разум овладели миром, — продолжал Бастьен, — совершили все свои завоевания, необходимо заставить людей отказаться от их своекорыстия, взаимной ненависти, вражды и угнетения друг друга! С этого надо начать, и с этой точки зрения христианство, если бы люди приняли его во всей чистоте, прекрасно под-

готовляет путь для великой победы разума! Теперь придется начинать все вновь. Если они не желают добровольно стать справедливыми и отказаться от жестокости и мелочной тирании, их надо заставить. Понимаете ли, — заставить! Принудить, загнать на тот путь, на который они не желают идти добровольно!

Их надо заставить. Понимаете ли, — заставить! Принудить...

Бастьен посмотрел на меня, как будто ожидая возражений или вопросов.

— Но кто же их заставит? Я вас не совсем понимаю.

— Еще бы! — с выражением неизмеримого превосходства воскликнул Бастьен. — Вы, журналисты, вечно заняты маленькими, ничтожными идейками, микроскопическими вопросами, плесенью мировой жизни!..

— Не совсем так, — возразил я, задетый его замечанием.

— А вот мы сейчас увидим, способны ли вы и люди подобные вам возвыситься до понимания истинно великой

идеи! Вам Дюфур говорил о свойствах пиронита?

— Я знаю это вещество только по названию.

— Пиронит не вещество! Впрочем, я не стану читать вам лекцию об этом изобретении, которое перевернет вверх дном всю культуру, и скажу только, что пиронит представляет нечто среднее между материей и энергией. Не думаю, чтобы ваши знания по физике были особенно велики, но, может быть, вы поймете меня, если я скажу, что пиронит возбуждает распадение атомов. Под его влиянием эти мельчайшие частицы превращаются в свет и электричество. Материя, так сказать, сгорает, с той разницей, что при этом всеуничтожающем горении не получается дыма и газа, а происходит полное превращение веществ в колебания эфира. Колебания эти распространяются со скоростью в сотни тысяч километров в секунду. Другими словами, если бы зажечь пиронитом этот монастырь, то его каменные стены унеслись бы в неизмеримое пространство в виде ослепительных потоков света и через короткое время исчезли бы между звездами, как замирающие волны на поверхности моря. Здесь на земле не осталось бы ни одной пылинки, и только какой-нибудь астроном на отдаленной планете мог бы, пожалуй, уловить голубоватое сияние, удаляющееся от нашей планеты со скоростью в 300 тысяч километров. Понимаете?

Я утвердительно кивнул головой.

— Ну, так теперь вам должно быть ясно, что, обладая такой страшной разрушительной силой, я могу взорвать, сжечь, уничтожить весь земной шар! Человечеству придется выбирать: или оно станет совершенно разумным и справедливым, или вместе со своей планетой отправится к границам вселенной и погаснет в вечном мраке, как искры, выброшенные ночью из трубы паровоза.

Бастьен заложил руки в карманы своего разорванного пиджака и смотрел на меня с вызывающим видом, очевидно, ожидая возражений. Но я до такой степени был ошеломлен этой сумасшедшей идеей устроить мировой пожар, что не находил слов для ответа.

— И этот пиронит действительно существует? — спросил я наконец.

— Спросите у Дюфура.

Профессор, давно выказывавший признаки нетерпения, с неудовольствием посмотрел на сумасбродного ученого.

— Мне кажется, что теперь поздно продолжать этот разговор, — сказал он. — Вы забыли, Бастьен, что существует еще и антипиронит, которым можно потушить тот пожар, который, я это знаю, вы решились бы зажечь.

— Ваш антипиронит не вышел еще из лаборатории, и мы только теряем время, ожидая его появления, — с раздражением ответил Бастьен.

— Я вам уже говорил сотни раз и еще повторяю, что никто, кроме меня, не будет иметь ни одного грамма пиронита, пока наука не даст возможности защитить мир от самого ужасного несчастья.

— Вы не имеете права так поступать! — закричал Бастьен. — Изобретение принадлежит не вам одному! Это насилие. Я не могу больше ждать!..

— Подождете!

— Смотрите, как бы вам не пришлось раскаиваться!

— Довольно, Бастьен! — вмешался Рамбер. — Ваши выходки становятся прямо несносны. Нам незачем заводить ссоры, которые еще более ухудшат наше и без того трудное и опасное положение.

— Я только отстаиваю свое право сделать из пиронита наиболее практическое и полезное употребление, — ответил опасный изобретатель.

Я и Рене невольно рассмеялись при этой фразе, произнесенной человеком, который считал практичным сжечь земной шар, как ракету.

— Ваша комната в соседнем коридоре, — сказал Дюфур, прощаясь со мной. — Рамбер вас проводит.

До этого момента, несмотря на усталость, я не думал о сне, но после слов профессора с неприятным чувством вспомнил о том, что мне придется проводить ночь в одном из мрачных закоулков этого каменного лабиринта. Не знаю почему, мысль эта так меня испугала, что я хотел было

немедленно сбежать из монастыря в какую-нибудь деревенскую гостиницу, и только стыд за свою трусость заставил меня отказаться от этого намерения.

III

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ НОЧЬЮ

— Вот ваша комната, — сказал Рамбер, держа в одной руке свечу, а другой с трудом отворяя тяжелую дубовую дверь.

Это помещение служило, вероятно, кельей для одного из отцов-бернардинцев. Еще днем я обратил внимание на странное несоответствие в этом здании между комнатами, служившими для жилья, и пустынными залами и коридорами. Первые походили на ячейки, выдолбленные в твердом камне. Тяжелый покатый потолок часто спускался к самому полу, стены образовывали выступы; слабый дневной свет проникал из каких-то невидимых отверстий или маленьких квадратных окон, размещенных так высоко, что дотянуться до них можно было, только поднявшись на носках. Несокрушимые двери в вершок толщиной запирались железными ржавыми болтами и засовами. Но за порогом этих тесных каморок тянулись огромные унылые пустыри, украшенные колоннами и соединявшиеся друг с другом широко разверстыми арками. При свете двух свечей, горевших в резном высоком канделябре, я внимательно осмотрел свою мрачную комнату. Она сохранила почти тот же самый вид, какой имела при ее прежних, давно исчезнувших владельцев. Все жалкое убранство этого склепа состояло из двух тяжелых стульев, массивного стола, закапанного воском, и деревянной кровати, поставленной в глубокой нише против двери. Дюфур добавил к этой обстановке высокий зеркальный шкаф, мягкое кресло и ковер, закрывавший часть пола. На столе лежали письменные принадлежности и груда книг самого разнообразного содержания.

Не раздеваясь, я улегся на кровать и прилагал все усилия, чтобы увлечься чтением иллюстрированной «Истории путешествия к Северному полюсу». Но, читая, я все время напряженно к чему-то прислушивался, вздрагивая при каждом слабом звуке. Вдруг мое внимание было привлечено небольшим квадратным отверстием в двери, на высоте человеческого роста. Должно быть, такие отверстия служили для того, чтобы монахи постоянно и незаметно могли наблюдать друг за другом. Мрак, наполнявший коридор, был так непроницаем, что окошко казалось закрытым куском черного бархата. С этой минуты, переворачивая страницы книги, я каждый раз бросал взгляд на дверь с таким чувством, как будто ожидал встретить там чей-то внимательный глаз. Но минуты шли за минутами, предо мной в колеблющемся сумраке плыли, путаясь с действительностью, причудливые льды северных морей, отражение света в зеркале превратилось в северное сияние, которое то вспыхивало, то гасло и наконец совершенно потухло. Книга выпала у меня из рук, и я уснул тревожным и чутким сном. Проснулся я как будто от неожиданного толчка. Оплывшие свечи догорали; я приподнялся, чтобы их потушить, и с затаенным страхом взглянул еще раз на окошко в дверях. Из черной тьмы на меня глянуло чье-то бледное худое лицо с неподвижными блестящими глазами. Я замер от ужаса, не имея силы, чтобы крикнуть или отвести глаза от этого видения.

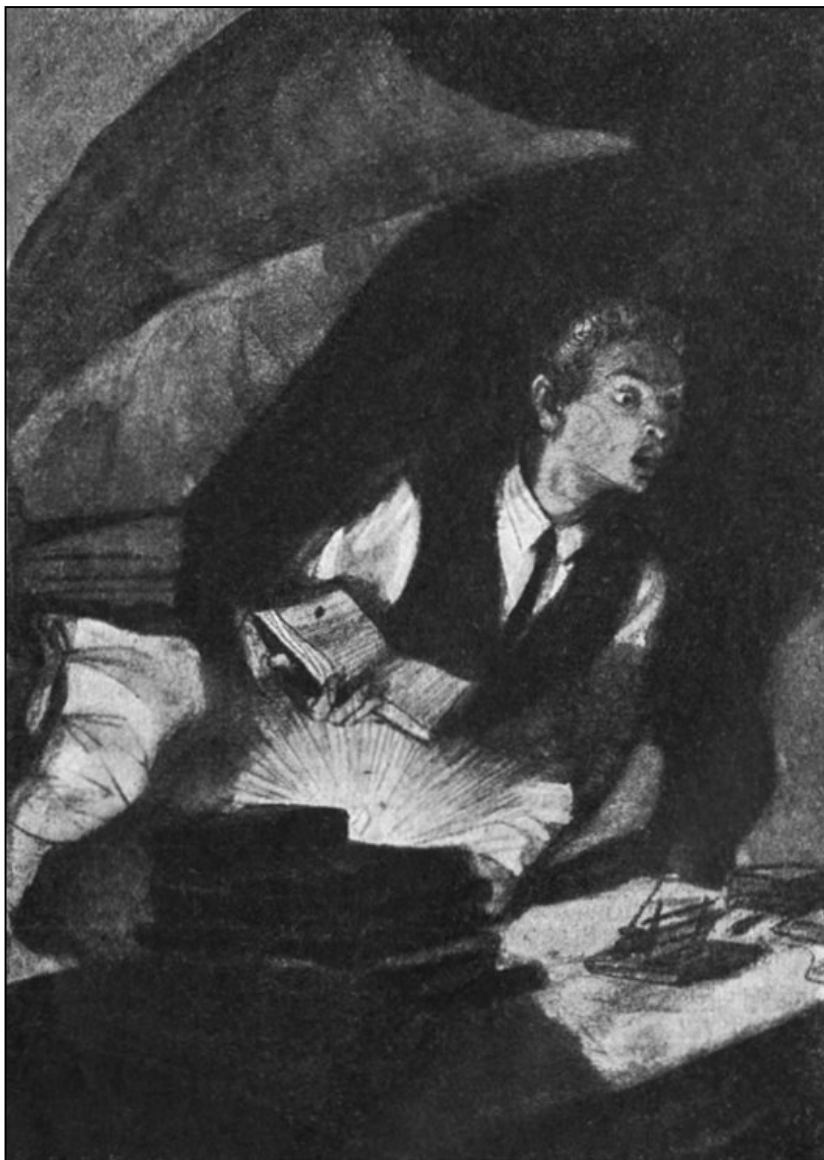
— Кто там? — спросил я наконец хриплым, чужим голосом. — Это вы, Рамбер?

Лицо медленно отодвинулось и исчезло в темноте.

Свечи догорали, вспыхивая длинным синеватым пламенем; я почувствовал, что умру от страха, если останусь один в темноте, и с тем приливом мужества, которое дает неотвратимая опасность, схватил канделябр, отодвинул железный засов и выбежал в коридор, высоко поднимая свечи и крича во все горло:

— Бастьен! Рамбер!! Бастьен! Вставайте... скорей!..

Казалось, десятки замирающих голосов повторяют мой крик в пустых коридорах и разносят его по всему монасты-

— Кто там? — спросил я наконец хриплым, чужим голосом. — Это вы,
Рамбер?

рю. Бастьен в одном белье появился на пороге своей комнаты.

— Что с вами? — спросил он. — Почему вы так отчаянно кричите? Что случилось?

— Здесь кто-то был. Я видел лицо!..

— Где?

— В окошке в двери!

— Может быть, вам это только померещилось? Я сам запер все двери в эту галерею и в столовую.

— Уверю вас... — дрожащим от волнения голосом начал я, но в ту же минуту раздался отчетливый стук железной решетки в другом конце коридора.

Бастьен выпрямился, услышав этот дребезжащий звук, и с криком: — Теперь он от нас не уйдет! — побежал по галерее.

Впереди него неслась мерная тень, отбрасываемая на каменный пол вспыхнувшими свечами и бумагой. Мы быстро добежали до конца коридора, и когда очутились в зале, то на мгновение увидели чью-то серую фигуру, неслышно скользившую между колоннами.

— Скорей! скорей! — подбадривал меня Бастьен, но я не умел так быстро бегать, как он, и все больше и больше отставать от своего товарища.

Голос ученого слышался уже из того туннеля, в котором я был днем.

— Он здесь! — кричал Бастьен. — Не отставайте! Давайте свечи! Боже мой! Кто это?!

В то же мгновение прогремел оглушительный выстрел, всколыхнувший весь мрак старинного здания, и сразу наступила тишина. Я продолжал бежать, как сумасшедший, плохо сознавая, что делаю, пока не наткнулся на тело Бастьена. Он лежал лицом вниз, с откинутой правой рукой. Горела только одна свеча, и при ее дрожащем свете я ничего не мог рассмотреть вокруг себя, но зато слышал чьи-то тяжелые шаги, удалявшиеся по лестнице, которая вела на башню. В то же время мои необычайно напряженные чувства позволяли угадывать присутствие еще одного человека, который стоял в конце туннеля, на пороге часовни.

Он лежал лицом вниз, с откинутой правой рукой.

Я бросил канделябр около трупa и не помню, как добрался до столовой, где увидел полуодетого Дюфура, Рамбера с одеялом на плечах и Рене, который, по-видимому, еще не ложился. В дверях стоял Морло.

— Что случилось? Где Бастьен?! Кто стрелял?! — засыпали они меня вопросами и после первых моих слов бросились из столовой.

Через несколько минут Дюфур и Рамбер осторожно внесли труп своего погибшего товарища и положили его на скамью. Я несколько успокоился и мог наконец связно рассказать о том, что произошло со мной и Бастьеном.

— Следовательно, их было двое, — заметил Дюфур, когда я кончил рассказывать. — Один — несомненно, этот таинственный Икс, который, видимо, очень торопится осуществить свои угрозы. Но кто же другой, и как он проник в запертый коридор? Или, может быть, Бастьен забыл запереть двери?

— Этого вам никогда не удастся узнать, — угрюмо пробормотал Морло.

— Почему?

— Потому что есть вещи, о которых ничего не пишут в самых ученых книгах.

— Но, как бы там ни было, нам всем необходимо соблюдать величайшую осторожность. Я думаю, что недели через две или самое большее через месяц все работы будут закончены, и мы сможем уехать отсюда, но до того времени нам придется жить, как в осажденной крепости. Вам, Рамбер, я поручаю обязанности коменданта. Дело идет не только о том, чтобы сохранить нашу жизнь, но еще, — и это самое главное, — о будущем моего изобретения.

Последние слова Дюфура произвели на меня крайне неприятное впечатление. Этот человек больше всего на свете был озабочен мыслью о своем разрушительном веществе и, кажется, ни на минуту не задумался бы принести в жертву жизнь своих друзей. При первых лучах зари Морло сколотил гроб из неоструганных досок и, когда всходило солнце, мы похоронили Бастьена на берегу пруда, между двумя высокими тополями.

IV

ЛАБОРАТОРИЯ ВЕЛИКИХ РАЗРУШЕНИЙ

Я твердо решил уехать в тот же день к вечеру и за обедом сказал об этом профессору. Он нахмурился и ответил:

— Когда гарнизон в опасности, то всегда находится солдаты, которые желают уйти.

Я покраснел и резко ответил, что не принадлежу к гарнизону, и мое присутствие здесь является совершенно случайным.

— Поступайте, как знаете, — холодно сказал Дюфур.

Я взглянул на опустевшее место Бастьена, на печальное лицо Рене и решил остаться, хотя больше всего желал в эту минуту очутиться на залитой весенним солнцем дороге, убегавшей в шумный Авиньон.

С этого дня я сделался полноправным членом маленькой коммуны, был допущен в лабораторию и присутствовал при всех последних опытах с пиронитом. Прежде чем продолжать рассказ, я считаю необходимым опровергнуть самым решительным образом те заметки и статьи, появившиеся во французской печати, в которых говорилось, будто бы профессор Дюфур посвятил меня во все тайны приготовления пиронита. Эти ложные сведения, неизвестно кем распространяемые, навлекли на меня множество неприятностей, о которых здесь не место говорить. Достаточно упомянуть, что я несколько раз лишился всех своих бумаг и однажды едва не был убит в поезде, шедшем из Милана в Берлин. Вероятно, под влиянием этих газетных заметок, ко мне обращался военный агент одного восточного государства и позднее представитель южно-американской республики с просьбой продать секрет изобретения профессора Дюфура. Переговоры эти оборвались в самом начале, так как и первому и второму я ответил, что не располагаю тем товаром, за которым они ко мне явились по поручению своих правительств. Мировая война вновь воскресила эту старую историю, погребенную в развалинах бернар-

динского монастыря, и создала для меня очень тяжелое и опасное положение. Заявляю для сведения всех тех лиц, которые возобновили свои попытки вырвать или купить у меня секрет изготовления ужасного разрушительного вещества, что у меня никогда не было в руках бумаж Дюфура. Не стану отрицать, я знаю *кое-что*, но далеко не *все*. Мне известна, да и то не вполне, общая теория, принципы, но не их практическое применение. Печатаая этот рассказ, представляющий вполне точное и правдивое изложение трагических событий, случившихся в лаборатории профессора Дюфура, я надеюсь, что мне наконец поверят и оставят меня в покое. В этой главе я помещаю те немногие сведения о пироните, которые мне удалось одновременно получить от Дюфура и его сотрудников. Не знаю, представят ли они интерес для обыкновенного читателя, но изобретатели и техники найдут в них указание на ту тропинку, по которой шел человек, достигший совершенно необычайных, чудовищных и фантастических результатов в деле разрушения. Может быть, кому-нибудь из них удастся получить тот миллиард, который по всей справедливости должен был бы принадлежать Дюфуру. К сожалению, мои заметки, которые я составил в Авиньоне, давно украдены, и я должен по памяти восстанавливать объяснения людей, обладавших огромными знаниями в наиболее запутанной и темной области физико-химических наук.

Лаборатория, из которой вышел пиронит, помещалась в, подвалах. тянувшихся под южной частью здания. В этом подземелье, куда скудный свет проникал через заделанные решетками окна под потолком, по странной случайности сохранились еще печи, кубы и тигли какого-то средневекового алхимика. Четыреста или пятьсот лет тому назад какой-нибудь монах пытался среди этих стен превратить в золото металлы и камни или приготовить жизненный эликсир, а в XX веке сюда снова явились изобретатели, чтобы с неутомимой энергией приняться за осуществление идеи еще более дерзкой и фантастической. Динамо-машина Дюфура стояла на том месте, где беспорядочно валялись рычаги, колеса и винты какого-то распавшегося древнего ме-

ханизма, а огромный горн алхимика в дальнем углу Рамбер приспособил для накаливания радиоактивных металлов. Около стен лежали груды мусора и черный шлак, выброшенный из печей древних и новых химиков. Колбы, реторты и другая стеклянная посуда самых разнообразных и причудливых форм наполняли глубокие ниши: холодный блеск полированного металла и грозно-трепетное синее пламя, с неистовым шумом вырывавшееся из конической трубы в середине лаборатории, оживляли мрачные своды подвала, затянутые паутиной и покрытые густой копотью.

Изобретение пиронита, как говорил мне Дюфур, было в такой же степени делом случая, как и результатом упорной научной работы, сопровождаемой бесконечным числом опытов. Дюфур и его сотрудники исходили из того предположения, что при известных условиях все вещества способны к такому же выделению энергии, как и радиоактивные металлы. Со времени работ Беккереля, супругов Кюри, Рутерфорда, француза Лебона и английского физика Содди известно, что распавшиеся разрушенные атомы радия дают начало непрерывному потоку мельчайших частиц, которые уносятся со страшной скоростью в 20.000 километров в секунду. Если бы снаряды наших артиллерийских орудий обладали подобной скоростью, то их разрушительная энергия возросла бы в миллионы раз. Но, в сравнении с радийным потоком, ядро, выброшенное двенадцатидюймовой пушкой, движется так же медленно, как улитка рядом с курьерским поездом. Каждая крупинка радиоактивного вещества представляет маленький вулкан, извержение которого может продолжаться в течение столь долгого времени, что в сравнении с человеческой жизнью оно кажется почти бесконечным. По наблюдениям и вычислениям Рутерфорда, средняя продолжительность существования радия равна 2.550 годам. Уран сохраняется неизмеримо дольше, и средний срок его существования надо считать миллионами лет. Уже по этому можно судить, до какой степени неуловима та мельчайшая атомная пыль, которая непрерывно рассеивается радиоактивными металла-

ми. И это к нашему счастью, так как такое рассеивание и превращение материи сопровождается колоссальным выделением энергии. На основании точных вычислений Дюфура, распадающиеся атомы одного фунта меди или свинца могли бы приводить в движение в течение десяти дней все машины Франции. Скрытый в каком-нибудь куске радия запас работы, по давно известным опытам, в 500.000 раз превышает ту работу, какую может дать теплота, выделяемая при сгорании равного ему по весу куска угля. Вся сила Ниагарского водопада ничтожна в сравнении с мощностью этих невидимых титанов, которые когда-нибудь будут служить человеку и дадут ему такое могущество, о котором он теперь не смеет и мечтать. Вокруг нас в каждом предмете скрыта безмерная почти энергия, которая, если бы она разом вырвалась наружу, способна была бы произвести стихийное разрушение. Но какое практическое приложение возможно будет в последующее время сделать из этих парадоксальных, хотя и бесспорных истин? Пользование новым видом энергии, скрытой в атомах, почти так же трудно, как если бы она находилась на другой планете. Нам известны лишь очень немногие радиоактивные вещества, которые с медлительностью, свойственной геологическим процессам, выделяют и рассеивают заключенную в них силу, превращенную в электрические и световые волны, что по существу одно и то же, и в движение бесконечно малых материальных частиц. Если представить себе такие существа, для которых время тянулось бы в миллион раз медленнее, чем для нас, то они могли бы, пожалуй, каким-нибудь способом собирать, концентрировать энергию радиоактивных тел и пользоваться ею для работы или взрывов и массового истребления друг друга. Они открыли бы десятки других, излучающих энергию элементов, которые слишком медленно теряют свои атомы для того, чтобы мы сумели заметить это общее течение, бесконечный круговорот материи и силы.

Великое изобретение Дюфура в том именно и заключалось, что ему после трехлетних трудов удалось ускорить радиоактивное излучение большей части тел, а при помо-

щи Бастьена и в особенности Рене, процесс этот был доведен до нескольких мгновений. Мельчайшая, едва видимая песчинка разлеталась с сотрясением, подобным грохоту пушечного выстрела. Щепотка железных опилок на моих глазах опрокинула и раздробила в мельчайшие куски огромную скалу, поднимавшуюся над вершинами вековых сосен. Окружавшие ее деревья были изломаны в щепы и отброшены на расстояние в девятьсот шагов. Важно заметить, что пиронит давал лишь начальный толчок к распаду атомов. Его роль была сходна с той, какую играет зажженная спичка, поднесенная к бочке с порохом. Из чего он состоял? Вот вопрос, который мне предлагали сотни раз! Те изобретатели, которые пожелают получить заработанный Дюфуром миллиард, пусть запомнят следующее. Пиронит не был веществом в обычном смысле этого слова. Он заключал продукты распада, эманации различных элементов, в том числе радия, тория, свинца и золота. Сам Дюфур и его помощники часто употребляли термины, принятые музыкантами, они говорили о полной гамме пиронита, об его нижних и верхних тонах, о силе и полноте этой адской смеси. Пиронит «полной гаммы» невозможно было хранить ни в какой посуде, так как, приходя с нею в соприкосновение, он сейчас же начинал свое действие. Рене как-то объяснил мне, что весь изготовленный ими пиронит был неполным разрушителем, так как не содержал возбудителя атомной энергии платины, из которой делались трубки для хранения смеси, но открывать однажды наполненную трубку было в сто раз опаснее, чем бросить горящий факел в склады пороха. Вырвавшийся наружу демон разрушения немедленно взрывал окружающий воздух, взрывы эти распространялись все дальше и дальше, подобно волнам на поверхности воды, и все кругом рушилось, таяло, пылало и наконец исчезало в неизмеримых глубинах неба. Тот, кто получит в своей лаборатории пиронит, должен твердо помнить, что ему необходимо уметь останавливать действие разрушителя, потому что в противном случае изобретатель нечаянно может уничтожить всю нашу планету. Дюфур знал это средство, но мне оно неизвестно, хотя по од-

ному случайному замечанию профессора я догадываюсь, что антипиронит был очень легким газом, подобным аргону или гелию, который не поддавался действию этого сверхогня и, выражаясь неточно, быстро тушил начавшееся извержение. У нас в лаборатории всегда стояли высокие стальные цилиндры с этим газом. Предосторожность эту я оценил только тогда, когда Дюфур объяснил мне, что действие его разрушителя нарастает, подобно катящейся лавине; в первые две минуты взрыв унес бы в междупланетное пространство только часть монастырского здания, но через десять минут взлетел бы весь Авиньон, через двадцать Вогеzy и Альпы, а через час после начала действия Урал и Алтай в виде светящейся пыли неслись бы за пределами лунной орбиты. Через полтора часа Земля была бы размещена по всей солнечной системе, возвратившись в свое первобытное хаотическое состояние. Угроза Бастьена сжечь мир совсем не была бессмысленной фразой маньяка: пиронит так же опасен для Земли, как тлеющая лучина над пролитым бензином. Насколько я понял Дюфура, он предполагал применять в артиллерии и в качестве движущей силы не полную гамму пиронита, а лишь те возбудители, которые вызывали распадение одного определенного вещества. Вот все, что я знаю и что могу сообщить об этом страшном изобретении. К написанному в этой главе я не могу прибавить ни одного слова. Всякие попытки принудить меня к этому будут совершенно бесполезны. Предупреждаю шпионов, которые не остановятся перед насилием, что у меня хранится трубка с пиронитом, найденная мною в комнате Бастьена, и поэтому всякое покушение на мою свободу или жизнь может повлечь за собой нежелательные и крайне прискорбные события.

ГДЕ ПРОИСХОДЯТ САМЫЕ СТРАННЫЕ И НЕОЖИДАННЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

В течение нескольких дней наша жизнь протекала совершенно мирно. Смерть Бастьена стала мне казаться каким-то ужасным кошмаром, к воспоминанию о котором мы часто возвращались, сидя в столовой. Из всех своих новых друзей я ближе всего сошелся с Рене. Этот человек привлекал меня своей необыкновенной душевной мягкостью и возвышенностью своих идей. Я не знаю, был ли Рене религиозным, не знаю даже, исповедовал ли он какую-нибудь религию, но в его внешности, в одухотворенном лице, в ясном и чистом выражении глаз было что-то, заставлявшее невольно вспоминать о людях, горевших пламенем веры.

— Зачем вам этот пиронит, страшное орудие убийства и разрушения? — спросил я его как-то, когда мы вдвоем сидели в сумрачной лаборатории, озаренной красным светом углей, догорающих в горне древнего алхимика.

— Вы ошибаетесь, — ответил он. — Пиронит не будет средством для истребления людей. Это новая, неизмеримо могущественная сила, которая совершенно изменит нашу жизнь. Война станет невозможной. Пиронит уничтожит бедность и нищету, потому что при его помощи человечество извлечет в тысячи раз больше продуктов, чем добывает их теперь. Я иногда как будто вижу этот новый мир, в котором нет слез и страданий. Машины неизмеримой мощности превратят всю землю в цветущий сад, изменят климаты и рассеют ночной мрак. Миф о Прометее вновь воскреснет в XX веке, но тот огонь, который мы теперь похитим у богов, не будет чадным дымящим факелом, который принес на землю древний титан, а действительным божественным пламенем, способным согреть и осветить все человечество. Вы мне не верите! — продолжал он с волне-

нием. — Но ведь пора, давно пора!.. Все человечество чего-то ждет. Это тяжелое чувство ожидания одинаково свойственно теперь и бедняку в жалкой грязной хижине и миллионеру или королю. Мир живет как будто бы все более и более напряженной жизнью, но сердце его устало, износилось, и все чаще людей охватывает отчаяние и сомнение в том, нужна ли вся эта безмерно давящая культура, которую поддерживают миллионы живых кариатид. Наука освобождает человечество, и ревнивый взор богов напрасно сторожит от нее тайну свободы, силы и счастья. Я, не задумываясь, отдал бы свою жизнь, если бы она понадобилась для нового открытия пиронита. Бастьен погиб, как мученик, но я знаю, что никто из нас не отступил бы перед такой смертью, лишь бы довести дело до конца.

В эту минуту мне почему-то показалось, что Рене даже завидовал своему погибшему товарищу. Рамбер видел в пироните только средство для ведения войны. Он не скрывал своего насмешливого отношения к взглядам Рене и между ними часто возникали упорные споры. Впрочем, оттого ли, что они давно знали доводы и возражения друг друга, или вследствие осознанной ими невозможности прийти к соглашению, диспуты эти велись таким образом, что каждый ученый, не возражая противнику, развивал лишь свои собственные планы о применении пиронита.

Рамбер раскладывал перед собой карту Европы и отмечал на границе Франции и Германии те места, где произойдут первые битвы. Он подробнейшим образом перечислял дивизии, корпуса, переводил их с одного фронта на другой и все дальше и дальше, по направлению к Берлину, двигал французскую армию. По его мнению, при помощи нового великого разрушителя, вся кампания должна была окончиться в три недели. Потом капитан переводил войска в Австрию, занимал Вену и Будапешт и, одержав окончательную победу, разгромив все немецкие силы, начинал развивать планы новых грандиозных походов и завоеваний. Во все концы земного шара пиронит нес великое разрушение, и все народы, действуя то в союзе с Францией, то против нее, втягивались на безграничную арену войны.

— Это будет прекрасно, — повторял Рамбер, — прекрасно и величественно! Главное сражение разыграется где-нибудь в северном Китае. Вообразите себе армию в сто миллионов человек и против нее нашу скорострельную артиллерию, которая будет громить фланги и центр этих безмерных полчищ и сносить без остатка их укрепления.

Он умолкал и быстрыми шагами начинал ходить по комнате, воображая себя, вероятно, в центре этой необозримой битвы. Слышался голос одного Рене:

— Исчезнет проклятие, тяготеющее над человечеством и заставляющее его от колыбели до могилы работать из-за куска хлеба. Братство людей и народов уничтожит всю накопившуюся злобу и ненависть; пиронит очистит мир, как тот огонь, о котором говорится в Библии. Все, что есть лучшего у современного человека, является пока только смутно сознаваемой возможностью. Рай не сзади нас, а впереди. Входы его, может быть, и охраняются, но наш пиронит разрушит все преграды!

Дюфур никогда не вмешивался в эти споры. Для него существовала только наука, и когда он уставал от своих вычислений, измерений и опытов, то предпочитал всему остроумную болтовню за стаканом вина. В такие минуты он походил на веселого легкомысленного студента, готового поддержать каждую шутку.

Одна из таких шуток окончилась самым неожиданным образом. Как-то мы засиделись в столовой дольше обыкновенного, может быть, потому, что ночь была ненастная, бурная, и никому не хотелось слушать у себя в комнате печальную и торжественную музыку ветра, метавшегося по всему зданию. Я обратил внимание Дюфура на портрет старого аббата.

— Глаза этого монаха кажутся иногда живыми. Вы не замечаете, что их выражение меняется?

Дюфур засмеялся.

— В конце концов мы все поверим здесь во всякую чертовщину! Меняются не его, а ваши глаза, и все чудо можно объяснить двумя-тремя стаканами выпитого вами вина.

— Я говорю совершенно серьезно. Мне кажется, что никто не мог бы сегодня выдержать его взгляда в течение пяти минут.

Портрет помещался против меня и, хотя едва выступал из сумрака огромной комнаты, я все время испытывал такое чувство, как будто на меня из мрака устремлен чей-то пристальный взгляд.

— А вот мы сейчас попробуем! — ответил Дюфур. — Осветите лицо этого страшного старика.

Профессор быстро поднялся с своего места и, сделав несколько шагов по направлению к портрету, остановился. В лучах электрического света слабо поблескивала вытертая позолота на раме, чуть заметно выступали сухие очертания пожелтевшего лица, но глаза, казалось, блестели и со странной пытливостью смотрели на Дюфура.

— Не делайте этого! — сказал я, вдруг чего-то испугавшись и чувствуя, как дрожит моя рука, поддерживавшая лампу.

— Что за вздор! — весело ответил профессор и продолжал, обращаясь к портрету:

— Ну-с, почтенный отец-бернардинец, смотрите на меня с такой злобой, на какую только вы были способны при жизни!

Я мог поклясться, что глаза портрета обратились к Дюфуру.

Профессор постоял минуту и вдруг, закрыв лицо руками, вскрикнул:

— Боже мой!.. Он... Ах! Он закрыл глаза. Они живые!

Мы все, не разбираясь в смысле этих слов, бросились к портрету. Глаз не было! На том месте, где они приходились, чернели, как у черепа, два глубоких отверстия.

— Что это: призрак, галлюцинация или, может быть, мы все сошли с ума? — сказал Дюфур слабым голосом, наливая себе стакан вина.

Рамбер схватил со стола нож и одним взмахом разрезал холст. За ним была пустота! На пыльном полу узкого прохода ясно отпечатались следы босых ног.

Мы все бросились к портрету — глаз не было! На том месте, где они приходились, чернели, как у черепа, два глубоких отверстия.

— Тут кто-то стоял, — сказал Рене. — И этот человек смотрел на нас через отверстие, которое он проделал на месте глаз у портрета. Вот, смотрите!

Рене указал на отогнутые треугольные кусочки потемневшего холста. Маленькие надрезы были сделаны так искусно, что, закрыв отверстие, мы в четырех шагах не могли заметить никаких повреждений в этом месте картины.

— Завтра надо осмотреть весь этот проход, — сказал Дюфур, все еще бледный от волнения. — Впрочем, я наверное знаю, что мы ничего и никого не найдем в этих стенах, похожих на пчелиные соты. Просто невероятно, — продолжал он, внимательно осматривая пол галереи, — какую уйму труда затрачивали древние и новые строители этого здания, чтобы всюду иметь уши и глаза, следить за грехом и добродетелью, окружать каждого брата сетью невидимых петель. Здесь уловляли души и, видимо, работа эта была чрезвычайно трудная! Ну, пойдемте. С этого дня мы будем обедать в моем кабинете. Поспешите, Рамбер, закончить работу с гелием и аргоном. Нам пора уехать. Я начинаю нервничать и, кажется, скоро дойду до такого умственного падения, что стану верить в приметы и в предчувствия.

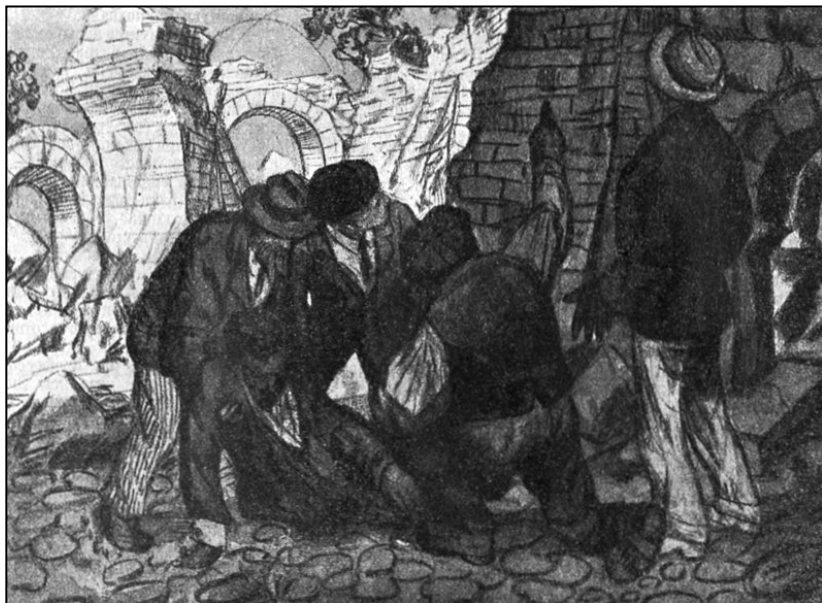
— Желал бы я знать, что это за человек, — задумчиво сказал Рамбер. — И что ему от нас надо?

— Я догадываюсь, что ему надо, — ответил Дюфур, останавливаясь на пороге своей комнаты. — Он заботится о спасении наших душ. Берегитесь его, господа!

С этими словами профессор запер за собою дверь.

На другой день дождь перестал. Светило яркое солнце, но мощный ветер широкими взмахами неся по равнине, пригибая деревья, опрокидывая изгороди и с яростным шумом прибоя обрушиваясь на все непреодолимые препятствия. Я сидел в своей комнате за книгой, когда вдруг услышал отчаянный крик Морло. Он кричал где-то на дворе, у подножья главной башни. Я бросился вниз, и первое, что увидел, выбежав на залитый солнцем двор, был распростертый на лужайке труп Рене. Он лежал в двух шагах от сырой стены, покрытой пятнами синевато-зеленой плесени.

— Боже мой! — кричал Морло, дотрагиваясь до окровавленного лица убитого. — Он упал из самого верхнего окна! Я слышал, как он крикнул. Его сбросил тот, кто убил и Бастьена. Ну, негодяй, попадись только ты мне в руки, я вытяну из тебя все жилы! Прячешься, подлая гадина! Боишься, сова проклятая! Но я до тебя доберусь...

Он упал из самого верхнего окна! Я слышал, как он крикнул. Его сбросил тот, кто убил и Бастьена.

Он кричал, подняв голову и обращаясь к кому-то на вершине массивной башни.

Рене упал с высоты в двадцать метров и умер мгновенно. Поднявшись на колокольню, мы там ничего не нашли, кроме нескольких обвалившихся кирпичей у того широкого окна, где Рене часто сидел, смотря на панораму Роны и синеющих вдали гор.

Смерть эта потрясла нас всех неизмеримо больше, чем гибель Бастьена. Копая могилу, я так рыдал, что Морло, у

которого у самого слезы текли по загоревшим коричневым щекам, принялся меня утешать. Как все простые бесхитростные люди, он не мог ничего другого придумать, как беспрестанное повторение. что наступит время, когда умру и я, и Дюфур, и Рамбер, и всех нас зароят в землю так точно, как мы хоронили несчастного Рене.

— С этим ничего не поделаешь! От смерти никуда не уйдешь. Давно ли хоронили Бастьена, и вот теперь...

Тут мысли шофера приняли другое направление. Он вытер лицо грязной ладонью и, обращаясь к суровым, мрачным стенам, принялся вновь бранить и проклинать убийц, придумывая для них всевозможный казни.

Дюфура и Рамбера я застал в лаборатории, где они о чем-то громко спорили.

— Вы не можете один братья за такое опасное дело, — говорил Дюфур. — Я не стану сидеть, сложа руки.

— Но поймите, что ваше участие все испортит! Если мы вчетвером начнем гоняться за убийцей, то, понятно, никогда его не увидим. Он слишком осторожен и ловок.

Оказалось, что Рамбер твердо решил поймать таинственного убийцу, но желал обойтись в этом деле без нашей помощи.

— Из вас никто не сумеет пройти впотьмах так тихо, чтобы остаться незамеченным. Для этого нужна большая опытность. Когда я служил в Алжире, то участвовал во многих экспедициях, и мне приходилось по неделям выслеживать и днем и ночью очень опытных арабских лазутчиков. Поверьте мне, я один сделаю это лучше, чем целая дюжина храбрых, но неопытных людей. Не забывайте, что все будет происходить ночью.

— Но если он вас убьет?

— Возможно. Если бы моим противником не был бесчестный убийца, я бы сказал, что между нами в этом каменном лабиринте произойдет американская дуэль с выслеживанием врага.

Дюфур о чем-то сосредоточенно думал, смотря на реторты с разноцветными жидкостями.

— Может ли быть такой случай, — спросил он, — что вы будете знать, наверное знать, что противник идет за вами, хотя для вас он остается неуловимым?

— Это возможный и самый опасный случай. Особенно в темноте.

— Хорошо, — сказал Дюфур с повеселевшим лицом. — Я вам дам великолепное оружие, которое сразу уничтожит и сделает напрасными все уловки этой ядовитой гадины.

Рамбер с удивлением взглянул на него.

— Какое это оружие?

Профессор вместо ответа быстро подогрел на спиртовой лампе какую-то смесь и, подавая ее Рамберу с другим объемистым пузырьком, сказал:

— Разлейте эту жидкость и потом другую на пути вашего противника, и когда он наступит на них, то подошвы его сапог будут оставлять огненные фосфорические следы.

— Великолепно! — воскликнул Рамбер. — Как я сам забыл о такой простой вещи!

Вечером я, профессор и Морло собрались в библиотеке, служившей теперь спальней Дюфуру, — единственной комнате, где мы могли считать себя в полной безопасности. Минуты тянулись с страшной медлительностью. Шюффер дремал около двери. Дюфур быстро расхаживал из угла в угол, а я сидел у стола и напряженно прислушивался к неясным звукам, теням звуков, скользивших за стенами комнаты.

— Наш гарнизон сильно поредел, — с печальной улыбкой сказал Дюфур. — Бастьен, Рене... и, может быть, теперь Рамбер. Остаюсь один я. Не слишком ли много жертв принесено было пирониту? И какой ужас, если эти жертвы окажутся бесплодными. Слушайте, если со мной что-нибудь случится, то откройте ящик вот этого стола и возьмите мои записки!

Он на минуту показал мне объемистую тетрадь в зеленом переплете.

— Но не оставайтесь здесь больше ни одной минуты. Спешите в Авиньон и дальше в Париж, в Россию! Нигде не

останавливайтесь. В лаборатории ни к чему не прикасайтесь, иначе может произойти несчастье.

— Но ведь оно может произойти и без меня, — сказал я, пугаясь при мысли о запасах этого проклятого пиронита, находившихся в подвале.

— Все ограничится взрывом части здания, — ответил Дюфур. — Там есть предохранитель. Но, главное, позаботьтесь о том, чтобы сохранить мои записки. Там описаны опыты, которые создадут новую эру в науке. Я нашел путь к решению великой мировой загадки, и мне хотелось бы, чтобы теория строения вещества, созданная Дюфуром, не умерла вместе с ним. Пиронит — это только приложение теории, одно из возможных приложений. Главное — мои шесть формул, которые вы опубликуете в каком-нибудь специальном журнале и представите в Академию.

Он еще раз достал рукопись, как будто желая передать ее мне немедленно, но потом решительно бросил обратно в ящик и запер стол.

Часы пробили одиннадцать, двенадцать, и стрелка подвигалась к часу, когда мы вдруг услышали приближающиеся шаги. Они гулко звучали в соседней зале, все ближе и ближе; дверь распахнулась, и в библиотеку спокойно вошел высокий человек, одетый в зеленую охотничью куртку. За ним показался Рамбер.

— Добрый вечер, профессор! — сказал человек в охотничьем костюме, кланяясь Дюфуру и как будто не замечая моего присутствия. — Ловкую штуку вы со мной сыграли, нечего сказать!

— Вот убийца Рене и Бастьена! — громко заявил Рамбер. — Не бойтесь, — он безоружен.

К нашему удивлению, преступник не обнаруживал ни малейшего испуга или растерянности. Он с любопытством оглядывал комнату и, увидев изумленное лицо Морло, сказал с усмешкой:

— Ну и мастер же вы ругаться! Много вы мне наговорили хороших слов в день смерти Рене.

Он произносил слова с заметным немецким акцентом. Впрочем, его можно было принять и за шведа и за датча-

— Вот убийца Рене и Бастьена! — громко заявил Рамбер. — Не бойтесь,
— он обезоружен.

нина. Судя по внешности, этому человеку было не больше тридцати лет. Его лицо с твердо очерченными линиями напоминало каменную маску; четырехугольный, давно небритый подбородок выдавался вперед, в серых глазах застыло такое подозрительное, настороженное выражение, какое бывает у хищных животных, выслеживающих добычу. Невольно бросалась в глаза огромная рука, в которой он держал фуражку: длинные узловатые пальцы быстро перебирали суконный околыш, и казалось, что эта нервная, необыкновенно подвижная кисть принадлежит другому человеку или живет своей особой жизнью, как самостоятельное существо.

— Как вас зовут? — спросил резким голосом Дюфур.

Убийца пожал плечами.

— Полагаю, что знакомство со мной не доставит вам особого удовольствия, да и к чему вся эта комедия суда? Моя

игра проиграна, и следовательно, мне остается только уплатить долг.

Дерзость и смелость этого человека меня поражали не менее, чем Дюфура. И только Рамбер, стоявший с револьвером у двери, сохранял спокойное и суровое выражение.

— Почему вы совершили эти убийства?

— Потому что вас всех, и особенно капитана Рамбера, я считаю самыми опасными людьми на всем земном шаре!

— В серых глазах убийцы сверкнуло злобное выражение. — Да и что же вас приводит в негодование? Вы — гениальный ученый, но, как часто бывает с гениями и детьми, не понимаете самых простых вещей! Вас возмущает убийство двух человек, из которых один собирался сжечь всю Землю, а другой хотел перевернуть вверх дном жизнь людей. Или что вы скажете о капитане, который при помощи пиронита мечтает отправить на тот свет четвертую часть населения обоих полушарий? Мы, кажется, тут все, за исключением шофера и журналиста, свободны от всяких предрассудков.

— Вы его видели, — сказал Рамбер, — и теперь мы окончим то, что начали в одной из зал верхнего этажа.

Пальцы человека в охотничьей куртке забегали еще быстрее, ощупывая фуражку, но лицо его оставалось неподвижным.

— Это и мое мнение, — сказал он. — Как бывший офицер, я могу надеяться, что дело будет покончено одним выстрелом?

Капитан утвердительно кивнул головой.

— Надеюсь, больше говорить не о чем. Идем! — И, подняв револьвер, Рамбер пропустил мимо себя преступника.

На пороге последний на минуту остановился.

— У вас есть еще один враг, более опасный, чем я. Не знаю, дьявол он или человек, но берегитесь, Дюфур... Вы все стоите так же близко к концу, как и я!

С этими словами он вышел из комнаты и медленно по диагонали пошел через квадратную залу в ту сторону, где чуть приметно белели окна, пропускавшие слабый свет звезд. Стоя в дверях, я видел, как на каменных плитах за-

горались мерцающие огненно-желтые пятна, быстро принимавшие голубоватый фантастический оттенок.

— Раз, два, три... четыре!.. — шепотом считал Морло, и когда сказал «семь!» — прогремел выстрел, и следы разом оборвались среди пустынной залы.

VI

СВЕТАЩИЙСЯ ПОТОК

В моей старой записной книжке я нашел несколько строчек о последних трех днях моего пребывания в лаборатории Дюфура.

Ниже я помещаю эти заметки.

27-го мая. У меня только одна мысль и одно желание: скорее бежать отсюда! Рамбер сказал, что мы уезжаем через пять дней, но даже и этот срок кажется мне бесконечным. Сегодня утром я едва не поддался искушению уехать в Авиньон с каким-то автомобилистом, который при помощи Морло починял свою машину у ворот монастыря. Остается еще сто двадцать часов! Не знаю, чем наполнить это время, так как Дюфур и Рамбер по целым дням остаются в лаборатории, а я, по просьбе профессора, который стал до крайности подозрителен и все чего-то боится, должен безотлучно сидеть в библиотеке, сохраняя от невидимых врагов его драгоценные записки. Меня возмущает уверенность Дюфура, что все люди должны считать за величайшую честь участвовать в его трудах над пиронитом. Он убежден, кажется, что я должен считать себя очень счастливым, волею-неволею служа этому демону разрушения.

28-го мая. Наконец я увидел или, вернее, услышал того неуловимого врага Дюфура, о котором говорил убийца наших товарищей. Впрочем, может быть, это была галлюцинация. Я не знаю. Я ничего не знаю. Новая наука, чудесное

открытие Дюфура, его распадающаяся материя для меня так же непонятны и чудесны, как и таинственное, жуткое прошлое, которое смотрит из всех углов этого здания, построенного из камней и мрака, окутанного серой пылью, в которой все исчезает и в которую все возвращается.

Сегодня за обедом я вспомнил, что забыл свой портсигар в лаборатории, и спустился за ним в эту «колыбель пиронита», как Дюфур называет подвал. На рабочем столе профессора мерцал синеватый свет радиоактивной лампы, похожий на свет яркой звезды в морозную ночь. Можно было усилить его до блеска солнца, но я не знал, как это сделать. Печальный серый сумрак сгустился в углах, не позволяя ничего различить в десяти шагах. Неожиданно я услышал тихий мелодический звук задетой кем-то посуды.

— Кто там? — дрожащим голосом спросил я, стоя среди лаборатории.

Молчание. И потом чей-то едва слышный, слабый голос, который заглушался шумом крови у меня в ушах, проговорил:

— Бегите отсюда! Я давно ждал случая сказать, чтобы вы уходили, потому что не хочу вашей смерти.

Мои глаза, привыкшие к темноте, различили у стены подземелья высокую серую фигуру. Впрочем, может быть, это была только пыль и паутина. Я подумал, что у меня галлюцинация, вызванная постоянным страхом и напряжением нервов.

— Там никого нет! — сказал я вслух, напрасно стараясь усилить свет звезды, горевшей над столом. И добавил, почти уверенный, что меня никто не слышит: — Я уеду через четыре дня!

— Будет поздно, — ответил тот же тихий голос. — Бог избрал меня слабым орудием для сокрушения козней дьявола и слуг его. Я стар и долго жил здесь, когда еще святое дерево бернардинцев цвело и приносило плоды. Теперь вертоград Господень опустел, здесь разливается адское пламя, но я затую его своими слабыми высохшими руками.

Слова звучали все громче и громче, но мой страх уже начал проходить, как только я убедился, что имею дело не

с фантомом, а с живым человеком, вероятнее всего, с каким-нибудь сумасшедшим монахом, не пожелавшим покинуть монастырь. Серая тень медленно двинулась из слабо освещенного пространства и слилась с древними пыльными стенами. Мне наконец удалось осветить лабораторию,

*Мои глаза, привыкшие к темноте, различили у стены подземелья
высокую серую фигуру.*

но я никого не увидел. Был ли кто-нибудь здесь? Не схожу ли я, в самом деле, с ума? Или, может быть, это древнее здание, в мрачных подвалах которого загорелся чудесный новый огонь, рождает видения, подобно черной бездонной воде, в которую заглядывает солнце? Не знаю! Дюфуру я решил ничего не рассказывать. Он без того кажется чем-то сильно встревоженным и жалуется на бессонницу.

29-го мая. Сегодня утром я нашел у своих дверей письмо на пожелтевшей бумаге, вложенное в грязный конверт.

Оно без подписи, без обращения и заключает десяток слов, написанных дрожащим неровным почерком:

«Приходите сегодня вечером к трем дубам по дороге в Авиньон, и там увидите свет, победивший тьму».

Я показал это странное послание Дюфуру.

— Вам надо пойти, — сказал он. — Я хорошо знаю это место. Там совершенно открытый холм, на котором из трех дубов, о которых упоминается в старинных хрониках и преданиях, остался только один. Возьмите на всякий случай револьвер, хотя, по моему мнению, вам ничто не может угрожать. Я полагаю, что это пишет тот сумасшедший монах, который, не зная, чем заполнить свое время, по старой привычке следить за каждым шагом своих соседей. Поговорите с этой пыльной мумией и, может быть, она избавит нас от своего назойливого любопытства.

На этих словах Дюфура мои заметки обрываются, и дальше идет ряд бессвязных фраз, которые невозможно прочитать, написанных под влиянием того ужасного события, которое произошло в этот вечер.

Я отправился к «трем дубам» в то время, когда солнце скрывалось за волнистой линией леса. В неподвижном ясном воздухе был разлит тонкий аромат цветущего шиповника и полевых трав. Листья на вершинах деревьев стряхивали последние золотые капли и нити, которые исчезали в голубоватом спокойном сумраке. Дорога, покрытая теплой пылью, в которой недавно погасли солнечные искры, делала множество поворотов, но я чувствовал такую радость среди этого простора, что готов был идти без конца. Крутой холм «трех дубов» поднимался на окраине болота, где в чаще тростинка хор лягушек робко и тихо начинал свою страстную песню. Старик-крестьянин в синем жилете с медными пуговицами и в деревянных башмаках косил траву рядом с розовой водой, покрытой черным кружевом плавающих листьев. Я заговорил с ним о сенокосе, о погоде и все время смотрел на вершину холма, где в неподвижном воздухе застыло исполинское дерево, при взгляде на которое чувствовалось мощное дыхание бури. Впрочем, этот дуб с узловатыми скрюченными ветвями сам был зеленым

воплощением сокрушительной бури, воздвигнутым природой над мирной и тихой равниной. От двух его товарищей остались лишь серые пни, похожие на основания обрушенных колонн.

— Вы не знаете, что это за здание? — спросил я у старика, указывая на бывший монастырь и желая узнать мнение окрестных жителей о лаборатории Дюфура.

Крестьянин снял войлочную шляпу и перекрестился.

— Не советую вам подходить к нему близко! В молодости я был матросом и могу сказать вам, что эта каменная громада — самый опасный риф, какой только существует от Кале до Марселя.

— Чем же он опасен?

— Около него христианская душа так же легко погибнет, как судно без руля, попавшее в буруны. Вы, должно быть, приезжий? — продолжал он, переменяя разговор.

Я боялся дальнейших вопросов, но старик вывел меня из затруднения, высказав предположение, что я приехал в соседнюю деревню на свадьбу к какому-то богатому виноделу. Окончив косить, он поднялся за мной на вершину холма и принялся показывать окрестности, подробнейшим образом перечисляя имена всех владельцев виноградников, полей, лугов, рощ и садов на десять километров в окружности. Сумерки сгустились, и небо заискрилось алмазной пылью. Я с нетерпением слушал нескончаемую болтовню старика, не спуская глаз с пустынной дороги. Фермер, к моей досаде, и не думал уходить: он уселся на сухую растрескавшуюся землю и, набивая трубку, сказал:

— Звезд-то, звезд сколько! Говорят, что если в то время, когда цветет виноград, бывают звездные ночи, то надо ждать хорошего урожая... Боже мой! Смотрите, что это такое! — закричал он вдруг.

Я быстро обернулся и увидел поток зеленоватого света, струившегося вокруг черной громады монастыря. Прозрачное пламя вырывалось снизу, из той части здания, где помещалась лаборатория; оно быстро поднялось над крышей и, как хвост кометы, изогнулось в небо. Древние стены на моих глазах плавились, таяли и, обращаясь в сияющий се-

ребристый туман, улетали в бездонную высь. Явление это сопровождалось нарастающим яростным свистом и шумом, похожим на завывание бури в ущелье. Внезапно налетевшая волна невидимого прибоя сбросила нас на берег болота. Я на минуту потерял сознание и, когда поднялся на ноги, то почувствовал нестерпимую боль в ушибленной руке. Прежде всего я увидел сломанную вершину дуба, который продолжал еще грозно шуметь своими изуродованными ветвями, и над ним в черном небе длинную полосу яркого голубого тумана, уносившегося к Большой Медведице.

Вытирая с лица кровь, я пустился бежать к монастырю, не разбирая дороги, прыгая через канавы и путаясь в высокой траве. По земле разливался слабый свет, испускаемый обращенными в атомную пыль камнями, и при этом бледном свете я, как в лунную ночь, видел остатки монастыря. По-видимому, ужасное действие пиронита было в самом начале остановлено предохранителем Дюфура. Исчезла только южная пристройка, где находилась лаборатория; остальная часть здания лишь изменила свои очертания, стала ниже и массивнее, так как рухнули все башни и обвалилась часть крыши. Наконец, еле переводя дыхание, я вбежал в раскрытые ворота и остановился на берегу пруда, появившегося на том месте, где произошел взрыв. Вода из озера в парке хлынула в образовавшуюся глубокую яму и заполнила ее до краев. На гладкой поверхности среди густых теней отчетливо блестело изображение новой кометы.

— Дюфур! — закричал я и прислушался.

Нигде ни звука.

— Дюфур!.. Рамбер!..

Никто не отвечал.

Я поднял голову и посмотрел на небо. Голубоватое мерцающее пятно быстро уменьшалось. Оно уже не затмевало звезд, и его спокойное сияние растворялось в трепетном сумраке весенней ночи. Я неподвижно стоял, пока оно не превратилось в звезду первой величины, и потом медленно пошел по дороге в Авиньон.

Примечания

Между небом и землей

Впервые: *Нива*, 1917, №№ 25-26, с подзаг. «Рассказ», «Фантастический рассказ».

Лаборатория великих разрушений

Впервые: *Нива*, 1916, №№ 24-25, с подзаг. «Рассказ».

Оба произведения печатаются по первоизданиям в сопровождении оригинальных иллюстраций. В текстах исправлены некоторые устаревшие особенности орфографии и пунктуации.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.